

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ» (СПбГУ)**

Выпускная квалификационная работа на тему:

***Благородный пансион при Санкт-Петербургском университете:
организационная структура и повседневная жизнь. 1817-1830 гг.***

по направлению подготовки 030600 - История
образовательная программа бакалавриата История
профиль: Отечественная история

Выполнила:

студентка 4 курса

дневного отделения

Дубровская Наталья Васильевна

Научный руководитель:

к.и.н, доцент

Жуковская Татьяна Николаевна

Санкт-Петербург

2017

Оглавление

Generating Table of Contents for Word Import ...

Введение

Постановка проблемы Наше исследование посвящено организационной структуре и повседневной жизни Благородного пансиона, открытого в 1817 г. при Главном Педагогическом институте, а с его преобразованием в С.-Петербургский университет ставшего подразделением университета.

В Благородный пансион (*далее - БП*) при Главном педагогическом институте (*далее – ГПИ*) принимались юноши с 7 до 17 лет из дворянских семей. Главной задачей, стоявшей перед новым учебным заведением, была подготовка дворянских отпрысков к гражданской и военной службе. Окончившие курс в пансионе могли претендовать на получение максимального X класса Табели о рангах, то есть права выпускников БП были выше, чем у выпускников университета, которые могли получить максимальный XII чин. Таким образом, высокие права и привилегии, а также сословная замкнутость делали обучение в БП более привлекательным, чем слушание основного курса в университете, где до конца 1820-х гг. преобладали казеннокоштные студенты, в значительной части вышедшие из духовного звания.

К моменту открытия БП в 1817 г. в разных частях Российской империи существовали подобные учебные, соединяющие в себе гимназический и университетские курсы с одной стороны, и, высокие права и привилегии для выпускников, с другой.

Актуальность темы исследования заключается в ее неразработанности ни в русле истории учебных заведений «особого типа» (привилегированных лицеев и дворянских пансионов), ни в рамках истории С.-Петербургского университета. Нельзя не упомянуть высказывание видного отечественного историка рубежа XIX-XX вв. П.Н. Милюкова, который считал, что при такой тесной связи между историей русской школы и устройством российской

власти и общества – совершенно невозможно говорить об одном, не касаясь другого¹.

Объектом исследования является Благородный пансион как структурное подразделение Главного педагогического института и университета. **Предмет исследования** - особенности организации, учебной и внеучебной деятельности и повседневной жизни пансиона.

Хронологические рамки охватывают период с момента открытия БП при ГПИ в 1817 г. до 1830 г., времени, когда Пансион был преобразован в Первую С.-Петербургскую гимназию.

Степень изученности проблемы. Поскольку история БП лежит на пересечении нескольких исторических пластов, то историографию вопроса можно разделить на несколько групп: к первой относятся работы, касающиеся учебных заведений «особого типа», их истории и классификации. Ко второй – работы, посвященные истории университетов, т.к. зачастую история БП рассматривалась в русле общеуниверситетской истории; к третьей – исследования, прямо относящиеся к истории БП при Санкт-Петербургском университете (*далее - СПУ*). Рассмотрим каждую из групп.

Стоит заметить, что тема учебных заведений «особого типа» до сих пор полностью не раскрыта, несмотря на то, что первые работы об этом написаны еще в XIX в. Так, еще в 1869 г. была опубликована единственная в своем роде работа «Благородный пансион Императорского Царскосельского лицея 1814-1829 гг»². Ее автор – Николай Сергеевич Голицын – военный историк, выпускник БП ЦЛ. Работа носит описательный характер, в частности автором приводятся характеристики всех 11 выпусков БП ЦС. Кроме того, Голицын приводит интересные зарисовки из повседневной жизни воспитанников.

¹ Милуков П. Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 2. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1897. С. 303.

² Голицын Н.С. Благородный пансион Императорского Царскосельского лицея 1814-1829 гг. СПб.: Типография О.В. Ландсберг (Бакста). 1869.

Начало XX в. было отмечено рядом юбилеев государственных учреждений, в том числе Министерства народного просвещения, которому посвящался труд С.В. Рождественского³. Излагая историю создания системы народного просвещения, автор упоминает и о спорах, возникавших вокруг высшей школы. В частности, о том, что в 1810-х гг. бытовали мнения, о том, что в сословной России университет – вещь непригодная, его должны заменить учебные заведения «особого типа» или «гимназии высших наук», соединяющие в своей программе гимназический и университетские курсы и принимающие в число своих воспитанников исключительно выходцев из благородного сословия. Пожалуй, эту дискуссию можно считать первой попыткой определения места учебных заведений «особого типа» в системе учебных заведений Российской империи.

Монография Д.Ф. Кобеко «Императорский Царскосельский лицей. Наставники и питомцы 1811-1843 гг.»⁴ также была приурочена к столетию открытия лицея и носила описательный характер, однако, последующие исследователи будут опираться на фактологическую канву Кобеко.

В советской историографии тема учебных заведений «особого типа» не поднималась. Новый всплеск интереса к ней пришелся на 1990-е гг. В 1995 г. А.Д. Егоровым издается серия «Лицеи России. Опыт исторической хронологии»⁵. Как пишет автор, им «предпринята попытка дать развернутые материалы по учебной и организационной стороне жизни лицеев России (до 1918 г.) – учебных заведений отличных от массовой школы империи»⁶. Каждая из пяти книг охватывает деятельность одного из лицеев, на основе

³ *Рождественский С.В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902. СПб.: Государственная типография. 1902.

⁴ *Кобеко Д. Ф.* Императорский Царскосельский лицей. Наставники и питомцы 1811-1843 гг. СПб.: Типография Киришбаума В.Ф., 1911.

⁵ *Егоров А.Д.* Лицеи России. Опыт исторической хронологии. В пяти книгах. Иваново.: Иваново.: Иванов. инж.-строит. ин-т, 1995.

⁶ *Егоров А.Д.* Лицеи России. Опыт исторической хронологии.... Кн. 1. Ришельевский лицей. Иваново.: Иваново.: Иванов. инж.-строит. ин-т, 1995.

распоряжений и постановлений министерства народного просвещения, переписки официальных лиц, учебных планов и штатов, расписания занятий, распорядка дня, внутренних правил и инструкций. Книга «Императорский Александровский (бывший Царскосельский) лицей» представляет для нас наибольший интерес, т.к. здесь наряду с описанием жизни самого Лицея изложена история его Благородного пансиона, также мало изученного⁷.

В 2006 г. вышла первая монография, целиком посвященная истории Московского университетского пансиона, который был основан еще в конце XVIII века⁸. В книге детально описывается история его организации, трансформация в XIX веке, восстановления после Отечественной войны 1812 г. и т.д. Опираясь на богатый архивный материал и большое количество источников личного происхождения, которые в большинстве своем состоят из дневников и мемуаров воспитанников, авторы воссоздают картины административной и повседневной жизни пансиона. Что касается взаимоотношений с университетом, то Московский университетский Благородный пансион (далее - БП МУ) с самого начала «в силу девятой статьи университетского устава», входил в состав университета, а потому «сие воспитательно-учебное заведение, находясь в зависимости от попечителя и ректора», было подчинено распоряжениям университетского Совета и Правления. Таким образом, БП МУ подчинялся ректору и Совету, с одной стороны, а «для наблюдения порядка в учении, поведении и содержании пансионеров, и вообще для сохранения благоустройства» - назначенному от университета профессору и инспектору⁹. Однако, БП МУ обладал финансовой независимостью и содержался исключительно на свои средства. В целом, труд В.В. Понмаревой и Л.Б. Хорошиловой представляет

⁷ Егоров А.Д. Лицеи России. Опыт исторической хронологии. В пяти кн. Кн. 5 в 3-х частях. Императорский Александровский (бывший Царскосельский лицей). Иваново.: Иванов. инж.-строит. ин-т, 1995.

⁸ Пономарева В.В., Хорошилова Л.Б. Университетский Благородный пансион. М.: Новый хронограф, 2006.

⁹ Там же. С. 130.

образец университетских историописаний как "договорных" текстов, написана в панегирическом духе, авторы идеализируют деятельность А.А. Прокоповича-Антонского, бывшего инспектором пансиона, а впоследствии его директором.

В настоящее время тему учебных заведений «особого типа» разрабатывает московская исследовательница Ю.А. Диссон. В 2007 г. она опубликовала статью ««Благородная альтернатива» российским университетам: лицеи и университетские пансионы в России (конец XVIII - первая треть XIX вв.)»¹⁰, где выстраивает иерархию этих учебных заведений, в которой главным классифицирующим признаком является максимально возможный ранг в службе, присваиваемый их выпускникам. Так, самым элитным и привилегированным называется Царскосельский лицей (максимальный IX класс), за ним следуют столичные университетские пансионы (максимальный X класс), далее – Демидовское высших наук училище в Ярославле и гимназия Высших наук князя Безбородко в Нежине. Последние, как и университеты до 1822 г. давали право на чины не выше XII класса. Завершал иерархию Кременецкий лицей.

В 2008 г. Ю.А. Диссон защитила диссертацию «Лицеи и благородные пансионы в системе народного просвещения России в первой трети XIX века»¹¹, в которой на основе накопленного материала по истории учебных заведений «особого типа» представила свое видение проблемы. По сути, исследовательница сближает университетские пансионы с лицеями, отрывая их от университетов, с которыми они имели общий кадровый состав преподавателей, а также были связаны административно. Эта позиция представляется нам уязвимой. На основе доступного материала исследовательница делает вывод о том, что цель главная цель подобных

¹⁰ Диссон Ю.А. "Благородная альтернатива" российским университетам: лицеи и университетские пансионы в России (конец XVIII - первая треть XIX вв.) // Вопросы истории естествознания и техники. 2007. № 4. С. 125-142.

¹¹ Диссон Ю.А. Лицеи и благородные пансионы в системе народного просвещения России в первой трети XIX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 2008.

учебных заведений – воспитать государственных чиновников, – была выполнена.

Ко второй группе исследований нами отнесены работы по университетской истории. Разумеется, мы не ставим своей целью охарактеризовать всю историографию, касающуюся истории университета. В фокусе нашего внимания лишь те работы, в которых так или иначе затрагивается тема БП. Изучением истории столичного университета занималось не одно поколение историков. Один из первых историографов С.-Петербургского университета П.А. Плетнев рассматривал его историю в первое двадцатипятилетие¹², представив первое документированное описание событий жизни университета. Характерно, что Плетнев практически не уделяет внимания БП, упоминая о нем лишь дважды: описывая события 1821 года, и переезд университета в здание пансиона в 1823 году.

По поручению попечителя С.-Петербургского учебного округа М.Н. Мусина-Пушкина директором Санкт-Петербургских училищ А.С. Вороновым составляется «Историко-статистическое обозрение учебных заведений Санкт-Петербургского учебного округа с 1715 по 1829 гг. включительно»¹³. В обозрении присутствует описание методов преподавания, учебных пособий, системы подготовки учителей. Для нас наибольшую ценность представляют приложения, в которых содержатся списки воспитанников БП.

В. В. Григорьев создал еще один фундаментальный юбилейный труд «Императорский Санкт-Петербургский университет в течение первых 50 лет его существования»¹⁴. Но и он ограничился лишь упоминанием о пансионе,

¹² Плетнёв П. А. Первое двадцатипятилетие Императорского университета. СПб.: Типография военно-учебных заведений. 1844.

¹³ Воронов, А.С. Историко-статистическое обозрение учебных заведений С.-Петербургского учебного округа с 1715 по 1828 год включительно. СПб.: Типография Якова Трея, 1849.

¹⁴ Григорьев В.В. Императорский Санкт-Петербургский университет в течение первых 50 лет его существования. СПб.: Типография В. Безобразова и Комп., 1870.

не исследуя ни его фактической истории, ни характера связи с университетом, а до этого с Главным педагогическим институтом.

В начале XX в. выходит работа по истории Санкт-Петербургского университета под редакцией профессора С.В. Рождественского «Санкт-Петербургский университет в первое столетие его деятельности. 1819-1919. Материалы по истории Санкт-Петербургского университета»¹⁵. Авторы-составители этого фундаментального труда отобрали и прокомментировали большое количество архивных материалов, детально воссоздав жизнь университета в 1819 - 1835 гг. В издании 1919 г. впервые публикуются материалы, связанные с историей БП, например, донесение директора университета Д.А. Кавелина попечителю С.С. Уварову от 20 января 1821 г. о произошедших в пансионе беспорядках,¹⁶ предписание министра попечителю от 7 февраля 1821 г. по поводу этих беспорядков. Кроме того, представлены различные хозяйственные документы пансиона: ведомость о состоянии БП за 1824 год, примерный штат БП, смета расходов по БП ¹⁷ и пр.

В 2014 г. вышла монография Е.Н. Азизовой «Общественно-политическая деятельность Д.П. Рунича»¹⁸. Основываясь на различного рода источниках, автор пытается опровергнуть устоявшееся в историографии мнение, что Рунич – гонитель науки и обскурант. По ее мнению, Д.П. Рунич – консервативный реформатор системы народного просвещения первой трети XIX в. Для нас важно, что автор рассматривает деятельность Рунича не только в университете, но и в БП: охарактеризована его роль в «подавлении» беспорядков 1821 г., в реформе административного управления Пансионом

¹⁵ *Санкт-Петербургский университет в первое столетие его деятельности. 1819-1919.* Материалы по истории Санкт-Петербургского университета. Т. 1. 1819-1835. Пг.: 2-ая Государственная типография. 1919.

¹⁶ Там же. Т. 1. ...С. 131.

¹⁷ Там же. С. 592-593, 458-459, 352.

¹⁸ *Азизова Е.Н.* *Общественно-политическая деятельность Д.П. Рунича.* Воронеж., 2014.

1823 г. В целом, исследование Е.Н. Азизовой позволяет заполнить имеющиеся лакуны в изучении взаимодействия БП и университета.

Годом ранее Т.В. Костина опубликовала статью о предтече С.-Петербургского университета – Академическом университете и гимназии¹⁹. В центре внимания автора – локации учебных заведений Академии наук в XVIII в. и повседневная жизнь академической гимназии.

Московские исследователи преуспели в изучении БП МУ. Так, А.Ю. Андреев, описывая положение Московского университета в начале XIX в., уделяет внимание и его Благородному пансиону, который на рубеже веков пользовался большим успехом у дворянства, нежели университет.²⁰

И.П. Кулакова в монографии, посвященной Московскому университету в XVIII в., в отдельной главе рассматривает университетский пансион.²¹ Исследовательница уделяет пристальное внимание созданию пансиона, его хозяйственной жизни: первоначальному размещению, постройке собственного дома на месте бывшей Межевой канцелярии. Для наглядности автор приводит чертежи и планы зданий.

Третья группа интересующих нас исследований, – труды, относящиеся непосредственно к истории БП СПУ. К сожалению, невозможно найти ни одной, работы специально посвященной БП. В 1880 г. появляется работа Д.С. Соловьева «Первое пятидесятилетие петербургской гимназии»,²² в которой есть раздел, кратко освещающий историю БП ГПИ с момента создания и до преобразования в гимназию в 1830 г. Соловьев представляет биографии преподавателей, а также пофамильные списки поступавших в пансион с 1817

¹⁹ Костина Т.В. Пространство Академических гимназии и университета: материалы к истории. 1724-1804 гг. // Клио. Журнал для ученых. 2013. № 10 (82). С. 6-15.

²⁰ Андреев А. Ю. Московский университет в общественной и культурной жизни России начала XIX века. М., 2000.

²¹ Кулакова И.П. Университетское пространство и его обитатели. Московский университет в историко-культурной среде XVIII века. М. 2006.

²² Соловьев Д.Н. Первое пятидесятилетие петербургской гимназии. СПб.: Типография 2-ого отделения Е.И.В., 1880.

по 1830 г. Однако, главной ценностью данной работы является то, что она охватывает весь период деятельности БП, тем самым являя собой единственное исследование, касающееся непосредственно его истории. Главным же недостатком монографии является то, что, будучи написанной еще XIX в., этот труд использует старые обозначение архивных фондов, содержащих важные материалы по истории пансиона, которые ныне невозможно атрибутировать.

На сайте Лермонтовской библиотеки размещена статья сотрудника ЦГИА СПб Н.В. Колышницыной «Благородный пансион при Санкт-Петербургском университете: воспитатели и воспитанники».²³ Автор, используя большое количество различных источников, в том числе архивных, воссоздает деятельность БП с момента открытия до 1821 года.

В 2007 г. Ю.А. Ендольцев опубликовал статью «Благородный пансион при Санкт-Петербургском университете»²⁴. В фокусе внимания исследователя постройки, в которых размещался БП за всю историю своего существования.

Интерес к Благородным пансионам и, в частности, Петербургскому обуславливается интересом к биографии знаменитых воспитанников. Так, еще в 1987 г. Е.М. Косачевская публикует книгу о Н.А. Маркевиче – историке, этнографе, фольклористе, воспитаннике БП 1817-1820 гг.²⁵ В главе «Университетский пансион» историк представляет повседневную жизнь воспитанников. Опираясь на ранее не опубликованные воспоминания Маркевича, Е.М. Косачевская представляет яркие портреты товарищей Маркевича, а также некоторых преподавателей БП. С.В. Фролов в своей статье, посвященной композитору Михаилу Глинке, также описывает его обучение в БП, опираясь на уже упомянутую работу Д.Н. Соловьева и

²³ «Благородный пансион при Санкт-Петербургском университете: воспитатели и воспитанники» // lermontovka-spb.ru (дата обращения: 10.04.2016).

²⁴ *Ендольцев Ю.А.* Благородный пансион при Санкт-Петербургском университете // Санкт-Петербургский университет. 2007. №2. С. 30-31.

²⁵ *Косачевская Е.М.* Н.А.Маркевич 1804-1860. Л.: Изд-во ЛГУ, 1987.

«Записки» самого М. Глинки. Встречаются похожие работы и по Московскому пансиону²⁶.

Целью выпускной квалификационной работы является историческая реконструкция малоизученной деятельности БП при ГПИ и С.-Петербургском университете. Ее достижению подчинены следующие **задачи**:

1. рассмотреть причины учреждения БП при ГПИ в контексте просветительских стратегий правительства и причины его закрытия;
2. определить место БП в иерархии учебных заведений «особого типа»;
3. охарактеризовать особенности учебной повседневности БП в сравнении с учебными планами близких учебных заведений;
4. исследовать состав преподавателей БП, создать собирательный образ преподавателя учебного заведения «особого типа» первой трети XIX века;
5. рассмотреть внеучебную повседневность: характер взаимоотношений внутри пансионного пространства между воспитанниками и преподавателями, в самой преподавательской среде;
6. определить характер организационных, хозяйственно-экономических, социальных и педагогических связей БП с ГПИ и С.-Петербургским университетом.

Источниковой базой исследования являются опубликованные и неопубликованные источники. Опубликованные источники в первую очередь представлены университетским законодательством. Историк права Н.Н. Зипунникова все университетское законодательство делит на две группы: акты, получившие высочайшее утверждение монархом (постановления), и акты, изданные по линии Министерства народного просвещения (распоряжения)²⁷. Университетское законодательство инкорпорировалось в общую законодательную систему во второй половине XIX в. в виде

²⁶ Бориева Л.Х. Учеба М.Ю. Лермонтова в Благородном пансионе при Московском университете // Бюллетень медицинских интернет-конференций. 2015. №1. С.4.

²⁷ Зипунникова Н. Н. Университеты учреждаются для преподавания наук в высшей степени. Российское законодательство об университетах XVIII - начала XX века. Екатеринбург, 2009. С. 63.

«Сборников постановлений по Министерству народного просвещения»²⁸ и «Сборников распоряжений по Министерству народного просвещения»²⁹, содержащих в себе нормативные акты, регламентирующие деятельность как всего министерства, так и отдельных подведомственных ему образовательных учреждений, в том числе БП СПУ. Эти нормативно-правовые акты отчасти позволяют заполнить лакуны в истории БП, представив, как должна была быть организована его деятельность.

Также опубликованы некоторые источники личного происхождения – воспоминания и записки пансионеров и преподавателей. Работа с такими источниками важна для воссоздания повседневной стороны жизни, для «одушевления» образов учителей и пансионеров, из них можно почерпнуть мнения современников и участников событий пансионной жизни. Так, в 1892 г. в «Русской старине» опубликована «Автобиографическая записка» Якова Васильевича Толмачева – профессора Санкт-Петербургского университета, одновременно преподававшего и в БП³⁰. «Записка» Толмачева интересна прежде всего тем, что представляет собой единственный выявленный нами, источник личного происхождения, созданный преподавателем БП, который содержит сведения, касающиеся взаимоотношений внутри профессорско-преподавательского состава, так и между преподавателями и властью. К блоку пансионерских воспоминаний отнесем «Записки» Михаила Глинки и «Литературные воспоминания» Ивана Панаева³¹. «Записки» М. И. Глинки были написаны в 1854 г. по просьбе его сестры Л.И. Шестаковой. Хронологический охват событий с 20 мая 1804 до 1854 г. Обучение в БП выделено мемуаристом в отдельную главу (Период 4. От поездки в Санкт-Петербург до выпуска из БП 1817-1822 гг.), исходя из этого, можно предположить, что М.И. Глинка считал обучение в БП важной вехой в своей

²⁸ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т.1 : Царствование императора Александра I. 1802-1825 г. СПб, 1875.

²⁹ Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. Т. 1. 1802-1834. СПб., 1866.

³⁰ Толмачев Я.В. Автобиографическая записка // Русская старина. 1892. Т. 75. С. 601-630.

³¹ См: Глинка М.И. Записки. М., 1998; Панаев И.И. Литературные воспоминания. М., 1988.

жизни. Для нас «Записки» являются важным источником, т.к. описывают события первых лет существования БП, о которых мы располагаем чрезвычайно скупой информацией. Если сравнить воспоминания двух пансионеров и товарищей: Михаила Глинки и Николая Маркевича, то следует отметить, что «Записки» Глинки изначально предназначались для публикации и писались через много лет после окончания БП, из-за чего мемуарист сглаживает многие острые моменты или же и вовсе о них не упоминает. Больше внимания уделяется описанию товарищества и полюбившихся преподавателей. «Воспоминания» Н. Маркевича и по сей день остаются неопубликованными³². Сам Маркевич сообщает о том, что писал их для себя, и на основании «Записок», которые вел всю жизнь. Не случайно его «Воспоминания» значительно подробнее, характеристики ярче. При этом автор (не исключено, что намеренно) заостряет свое внимание на конфликтах внутри пансиона, представляет «живое», безкупюрное описание взаимоотношений как между пансионерами, так и между пансионерами и преподавателями.

В «Литературных воспоминаниях» И.И. Панаева также отдельная главка посвящена обучению в БП в последние годы его существования. Важной особенностью этого источника (что явствует и из названия) является то, что по жанру он приближается к художественной литературе. Для автора, бесспорно отмеченного литературным дарованием, важнее выстроить художественную композицию, нежели соблюсти историческую достоверность.

Современники живо откликнулись на события, происходящие как в БП так и в университете. Изучение их воспоминаний, думается, будет полезно

³² Отдел Рукописей Института русской литературы Российской академии наук. Ф. 488: Николай Андреевич Маркевич. Оп. 1.

для иллюстрации отношения петербургского общества к учебным заведениям³³.

Выпускная квалификационная работа написана на основе большого количества архивных материалов, которые были извлечены из фондов Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга (далее – *ЦГИА СПб*) и фондов рукописного отдела Института Русской Литературы Российской Академии наук (далее – *ИРЛИ РАН*).

Документы ЦГИА СПб, относящиеся к истории БП, крайне разрознены, они отложились не только в одноименном фонде № 67 (Благородный пансион при Санкт-Петербургском университете)³⁴, но также встречаются в ф. 13 (Санкт-Петербургский Главный педагогический институт)³⁵, ф. 14 (Императорский Петроградский университет)³⁶, ф. 139 (Канцелярия попечителя Санкт-Петербургского учебного округа), ф. 114 (Первая Петроградская мужская гимназия)³⁷.

На основании использованных нами дел можно заключить, что, во-первых, архивные дела оказались распределены по фондам довольно произвольно, что, по-видимому, является следствием особенностей сохранения и упорядочения архива БП, скорее всего, составлявшего часть

³³ См.: *Греч Н. И.* Записки о моей жизни. СПб.: Издание А.С. Суворина. 1886; *Декабрист Н. И. Тургенев.* Письма к брату С. И. Тургеневу. 1811-1824. М.-Л., 1936.

³⁴ *Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее - ЦГИА СПб).* Ф. 67 (Благородный пансион при Санкт-Петербургском университете).

³⁵ *ЦГИА СПб.* Ф. 13 (Санкт-Петербургский главный педагогический институт 1890-1916 гг). Оп. 1. Главный педагогический институт за 1804-1859 гг.

³⁶ *ЦГИА СПб.* Ф. 14 (Императорский петроградский университет). Описание 1. Дела Совета 1819-1916 гг; Описание 3. Дела правления и правления по хозяйственному столу. Личные дела студентов 1831, 1870-1916 гг.

³⁷ *ЦГИА СПб.* Ф. 114 ((Петроградская первая мужская гимназия (в ведении Министерства народного просвещения 1830-1918)).

общеуниверситетского архива³⁸. В самих фондах материал разрозненный, встречаются неатрибутированные дела, в плохом физическом состоянии: присутствуют следы горения, плесень, вырезанные листы. Некоторые дела по БП, напротив, сшиты вместе с делами университета. Лучшей сохранностью отличаются те дела, которые попали в фонды университета или канцелярии попечителя, многие из них микрофильмированы.

В связи с этим уместно высказать некоторые наблюдения о сохранности документов. Рассматривая в хронологическом порядке выявленные нами в указанных фондах дела, можно заметить, что большая их часть датирована 1822-1824 гг., 1827 и 1830 гг. Особенно «богат» на документы 1822 год. Это показывают не только результаты нашей выборки, но соотнесение их с описью ф. 67 (БП при Санкт-Петербургском университете) ЦГИА СПб. Материалы с этой датировкой отложись сразу в трех фондах (67, 14, 139), и они освещают разные стороны жизни БП: взаимоотношения с властью³⁹, хозяйственную сторону жизни (дают представления о строениях БП)⁴⁰, дают информацию о его штате⁴¹. Так же разнообразна имеющая отношение к истории БП наша выборка дел за 1823 – 1824 гг. из ф. 139 (Канцелярия попечителя Санкт-Петербургского учебного округа) и ф. 14 (Императорский Петроградский университет). Дела иллюстрируют, какие мероприятия были проведены после провозглашения реформ Петербургского учебного округа

³⁸ Жуковская Т.Н. Архив Педагогического института в Санкт-Петербурге (1804-1819): специфика отражения университетской повседневности // Университетский архив как явление культуры. Сб. ст. М.: НЛЮ, 2017. С. 114-165.

³⁹ ЦГИА СПб. Ф. 67. Оп.1 Д. 4: Распоряжение департамента народного просвещения.

⁴⁰ ЦГИА СПб. Ф. 67. Оп.1 Д. 12: О планах постройки дома для БП, ф. 67 оп 1 д. 14: О помещении объявлений в Санкт-Петербургских ведомостях; Ф. 139 Оп.1 Д. 2984: О доме надворного советника Отто.

⁴¹ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп.3. Д. 311: Формулярные списки чиновников БП.

Д.П. Руничем⁴², также раскрывают изменения в хозяйственной жизни БП⁴³. Также хорошо сохранились комплексы разнообразных документов по пансиону за 1827 и 1830 гг. Документы за 1827 год не только предоставляют богатый материал для анализа ротации кадров среди администрации и преподавателей пансиона⁴⁴, их повседневности⁴⁵, но позволяют раскрыть тему «маленьких людей» БП⁴⁶. Анализируя дела за 1830 год, последний год существования БП, можно предположить, что эта часть архива была приведена в порядок в перспективе преобразования БП в Первую гимназию⁴⁷. Отдельные разрозненные дела, отражающие разные стороны хозяйственной повседневности, встречаются за 1828⁴⁸, 1829⁴⁹ годы.

Удалось выявить лишь незначительное количество дел, относящихся в первым годам существования БП. Самое раннее из них относится к 1818 г., содержит в себе протокол заседания Конференции ГПИ, на которой проводилось публичное испытание учителя Ивана Пеннинского⁵⁰. Большее количество дел относится ко времени после 1821 года⁵¹. Анализ описи ф. 67,

⁴² ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп.3. Д. 615: О перемене в БП правления в хозяйственный комитет; Ф. 14. Оп.1. Д. 408; Ф. 139. Оп. 1. Д. 3145. Об определении в Благородный пансион Буторина помощником эконома; Ф. 139. Оп. 1. Д. 3152: Об определении помощником инспектора в Благородный пансион Башинского комнатным надзирателем в здешнюю гимназию и увольнении его от должности.

⁴³ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 816: Об ассигновании суммы на содержание пансионера Рубца; Ф. 14. Оп. 3. Д. 815. О доставлении денег в хозяйственный комитет.

⁴⁴ ЦГИА СПб. Ф. 67. Оп. 1. Д. 32: Ведомость о чиновниках и преподавателях Благородного пансиона.

⁴⁵ ЦГИА СПб. Ф. 67. Оп. 1. Д. 43: О найме квартир для чиновников пансиона.

⁴⁶ ЦГИА СПб. Ф. 67. Оп.1. Д. 44: Об увольнении и определении инвалидов.

⁴⁷ ЦГИА СПб. Ф. 67. Оп. 1. Д. 90: Об отсылке краткого финансового отчета; Д. 92. Исходящий журнал хозяйственного комитета; Д. 86: О преобразовании в гимназию; Д. 89: Послужные списки чиновников Благородного пансиона за 1830 год; Д. 88: О распределении по учебным заведениям воспитанников упраздненного Царскосельского пансиона за исключением Демидова.

⁴⁸ ЦГИА СПб. Ф. 67. Оп.1. Д. 66: Переписка по канцелярии БП.

⁴⁹ ЦГИА СПб. Ф. 114. Оп.1. Д. 263: О постройке деревянного флигеля в доме БП для пансионных дядек.

⁵⁰ ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп.1. Д. 1842: Об экзаменовании учителя Ивана Пеннинского.

⁵¹ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп.3. Д. 128: О прикомандировании профессора Толмачева к исполнению должности инспектора Благородного пансиона; Ф. 67. Оп. 1. Д. 3^а: Журнал правления.

позволяет предположить, что либо документы до 1821 года не откладывались в этом фонде и хранятся в составе дел других фондов имеющих отношение к университету (их пока не удалось выявить), либо были утрачены, возможно, сразу после преобразования пансиона в гимназию. В пользу нашего предположения говорит и тот факт, что Д.Н. Соловьев – автор первой работы по истории БП, сетовал на то, что материала недостаточно, хотя книга писалась еще в XIX веке, и для автора были открыты архивы.

Восполнить лакуну в истории первых лет существования БП позволяют документы из личного архива его воспитанника Николая Андреевича Маркевича⁵². Фонд Маркевича представлен 83 единицами хранения, хронологический охват 1804 – 1850-е гг. Для нас наиболее ценным источником является «Журнал, записки и воспоминания 1817-1820 гг.»⁵³ т.к. этот источник охватывает период обучения Маркевича в БП. Это не мемуары в собственном смысле, а лишь наброски к воспоминаниям, которые автор рассчитывал написать впоследствии. Поэтому в «Записках» Маркевич лишь кратко описывает то, что происходило с ним в период с 1817 по 1820 г. Информация расположена в хронологическом порядке: открывается упоминанием о БП, далее идут записи за 1818, 1819, 1820 гг. Однако, кроме хронологического принципа изложения Маркевич использует и тематический. Так, имеются интересные рубрики: «дамы, с которыми я был знаком или знаком ныне», «мужчины, с которыми я был знаком или знаком ныне», среди «товарищей и начальников по учебным заведениям»⁵⁴ Маркевич упоминает инспектора А.А Линдквиста, подинспектора А.М Пушкина, гувернеров, учителей, профессоров и товарищей по пансиону. Стоит отметить скрупулёзность мемуариста, которую он объяснял так: «Приученный с детства писать ежедневные записки о том, что случилось с нами и вокруг нас,... я уже в Петербурге отмечал все, что интересовало

⁵² ОР ИРЛИ РАН. Ф. 488: Николай Андреевич Маркевич. Оп. 1.

⁵³ РО ИРЛИ РАН. Ф.488. Оп.1. Д. 37: Журнал, записки и воспоминания (1817-1820) гг.

⁵⁴ Там же. Л. 130.

меня»⁵⁵. Впоследствии, эти «Записки» станут основой для написания воспоминаний. В архиве Маркевича в качестве основы для воспоминаний сохранились и «Материалы к запискам»⁵⁶ - комплекс наглядных приложений, состоящих из различных документов: подорожных, счетов, визитных карточек, планов квартир и домов, завещания, дарственной). Среди этого массива разнородных документов сохранилось «Положение для Благородного пансиона при Главном Педагогическом институте», представляющее собой типографски изданную брошюру, в кратком описании цели и задач БП, учебной программы, стоимости обучения. Можно предположить, что такие брошюры выдавались всем пансионерам или их родителям при поступлении⁵⁷. В том же деле на листах 20-23 напечатано «Описание торжественного открытия БП при ГПИ в день 1 сентября 1817 года»⁵⁸. Кроме того, того в архиве Маркевича сохранился план пансионерского дома 1819 г.⁵⁹ и «Ведомость об успехах и поведении пансионера 3 класса Николая Маркевича за август и сентябрь 1819 г.»⁶⁰. Поскольку учебных планов БП не сохранилось, «Ведомость» Н. Маркевича является единственным источником, опираясь на который возможно реконструировать хотя бы небольшую часть учебного процесса.

Таким образом, используя все эти разнородные источники, нам представляется возможным осветить некоторые стороны жизни БП.

⁵⁵ Там же. Л. 10.

⁵⁶ РО ИРЛИ РАН. Ф. 488. Оп.1. Д. 40: Материалы к запискам. Путевые журналы, отметки, памятные метки, счета, визитные карточки (1817-1844) гг.

⁵⁷ Там же. Л. 5-19.

⁵⁸ Там же. Л. 20-23.

⁵⁹ Там же. Л. 24.

⁶⁰ Там же. Л. 26.

Глава I. «Благородная альтернатива»: система элитарных учебных заведений и место в ней петербургского университетского Благородного пансиона

В начале XIX в. в России формируются основные типы общеобразовательных школ. Низшим звеном образовательной системы являлись приходские и уездные училища, средним – гимназии, высшим – университет. Но одновременно с этим образуются «гимназии высших наук» или лицеи, соединяющие в себе гимназический и университетский курсы. Такие учебные заведения выходили за рамки складывающейся министерской парадигмы. Причина их открытия обуславливалась тем, что, с одной стороны, основным потребителем образования являлось дворянство, предъявляющее к этому социальному институту требование сословной замкнутости, а с другой стороны, в этом нашел отражение социальный заказ государства, нуждавшегося в подготовке квалифицированных служащих.

Первым учебным заведением «особого типа» становится Благородный пансион при Московском университете, открытый еще в 70-х гг. XVIII в. Это было самостоятельное закрытое учебное заведение с ярко выраженным сословным характером (в него принимали только детей дворян). Появление такого заведения, которое бы изолировало дворянских детей от представителей других сословий, продиктованное стремлением самих дворян, отражает непопулярность в дворянской среде гимназического образования. Гражданское образование, как университетское, так и гимназическое, не привлекало большинство дворян, считавших, что изучение наук мало применимо в их повседневной жизни. Ценя прежде всего практическую пользу любых навыков и знаний, они не видели преимуществ университетского диплома для успешной карьеры, которую гораздо быстрее можно было сделать в военной службе.⁶¹ Кроме того, их не устраивали разночинный социальный состав и атмосфера университетов. Пансион же как тип закрытого элитарного учебного заведения пользовался успехом. Так, в

⁶¹ Диссон Ю.А. «Благородная альтернатива» российским университетам... С. 125-143.

"Докладе комитета по рассмотрению уставов учебных заведений" от 8 августа 1802 г. отмечалось, что БП МУ выгодно отличается от остальных образовательных учреждений: "Все наши учреждения, где уроки преподаются безденежно, приходят в упадок, между тем как Благородный пансион Московского университета привлекает к себе великое стечение учащихся"⁶².

Согласно указу 1818 г. университетские пансионы получают право на предоставление XIV-X чинов по табели о рангах воспитанникам, окончившим полный курс.⁶³

Что касается управления, то уставом Московского университета 1804 г. было установлено, что "пансион, в силу 9 статьи устава, входя в состав университета, состоит в зависимости его и находится под непосредственным управлением попечителя"⁶⁴. Ю.А. Диссон считает, что в это время зависимость пансиона от Московского университета была лишь формальной. В проекте постановления оговаривается, что все внутренние дела и устройство пансиона поручены его собственному правлению, состоящему из директора пансиона, инспектора, члена университетского совета, назначаемого попечителем, и почётного члена из числа родителей.⁶⁵

В 1803 г. П. Г. Демидов откликается на «обращение к патриотам»⁶⁶ и жертвует 3578 душ и 100 тыс. рублей в пользу ярославской гимназии, чтобы «возвысить ее в такое училище, которое бы имело одинаковую степень с

⁶² Цит.по: Андреев А. Ю. Московский университет в общественной и культурной жизни России начала XIX века. М.: Издательство Языки русской культуры, 2000. С. 264.

⁶³ Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности министерства народного просвещения... С. 121.

⁶⁴ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения... 1875. Т. I. С. 1059.

⁶⁵ Диссон Ю.А. «Благородная альтернатива» российским университетам... С.125-143.

⁶⁶ «Обращение к патриотам» содержалось в предварительных правилах народного просвещения, утвержденных Александром I 24 января 1803 г. Всех «благонамеренных» граждан правительство призывало вносить пожертвования на создание учебных заведений. См.: Егоров А.Д. Лицеи России. Опыт исторической хронологии. Демидовский юридический лидерей.Ч.1. Иваново. 1995. С. 8.

университетом и все его преимущества, заведя в нем курс наук университетский»⁶⁷. Однако император не дал разрешения на открытие в Ярославле учебного заведения университетского типа. 13 апреля 1804 г. начались занятия в Демидовском училище высших наук, выпускники которого могли получить по окончании XIV чин, что фактически уравнивало их с выпускниками университета.

В 1804-1806 гг. товарищ министра народного просвещения М.Н. Муравьев предложил переименовать «академические гимназии» в «лицей» на западноевропейский манер. Предложение не поддержали и оставили прежнее название «гимназии». Однако этот эпизод важен тем, что впервые в практике министерства народного просвещения было упомянуто понятие «лицей».

19 октября 1811 г. состоялось торжественное открытие Царскосельского лицея – главного элитарного учебного заведения Российской империи первой половины XIX в. Создававшийся для обучения великих князей, лицей имел цель «в образовании юношества, особенно предназначенного к важным частям службы государственной»⁶⁸. Важность службы и исключительность лицея подчеркивалась возможностью получения его выпускниками IX чина Табели о рангах. Согласно «Постановлению» в лицей принимались дети дворян от 10 до 12 лет. Все поступающие подвергались вступительным испытаниям по грамматике русского и иностранного языка (французский или немецкий на выбор), арифметике, в знании «понятий об общих свойствах тел» т.е. физике, географии и истории.⁶⁹ Зачисление производилось по Высочайшему повелению, запрашиваемому директором лицея. Вступительные экзамены показали разный уровень подготовки юношей, поэтому решено было устроить Благородный пансион при Царскосельском

⁶⁷ Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности министерства народного просвещения... С. 75.

⁶⁸ Егоров А.Д. Лицей России. Опыт исторической хронологии. Императорский Александровский (бывший Царскосельский) лицей. Иваново. 1995. С. 23; См: Кобеко Д. Ф. Императорский Царскосельский лицей. Наставники и питомцы 1811-1843 гг. СПб., 1911. С. 10.

⁶⁹ Там же. С. 10.

лицее (*далее – БП ЦЛ*). Впервые о его устройстве заговорили еще в июле 1812, но открылся БП ЦЛ только по окончании войны 27 января 1814 г. Целью его создания объявлялась, с одной стороны, подготовка воспитанников для Царскосельского лицея, а с другой стороны, «доставление нового способа дворянству для приличного званию сему воспитания»⁷⁰. Пансион состоял под особым покровительством министра народного просвещения и в непосредственной от него зависимости⁷¹.

В правительственных кругах той поры бытовало мнение, что лицеи являются наилучшим типом учебных заведений для России. Об этом писал В.П. Кочубей М.М. Сперанскому: «Не университеты нужны нам, когда некому в них и учиться, а особливо университеты на немецкую статью, но училища первые и вторые... система лицеев есть самая лучшая, какую для России принять можно»⁷². Сообразуясь с этим мнением, в 1817 г. правительство открывает еще два учебных заведения особого типа: Благородный пансион при Главном педагогическом институте в Санкт-Петербурге и Ришельевский лицей в Одессе. Воспитанники, отлично окончившие в них курс наук, могли получить в них максимальный X или XII чин, смотря по их успехам.

В 1820 г. был открыт лицей князя Безбородко в Нежине, хотя проект его создания появился еще в 1805 г. Его выпускники имели право получить XII класс по Табели о рангах. Целью обучения в нем было объявлено: «Чтобы в Малороссийском краю, месте их рождения, доставить всем и *особенно неимущим* дворянам и *другого сословия жителям* удобность при воспитании их детей в благочестивых правах, приобрести сведения в языках и общих науках, полезных для каждого человека, и напоследок в высших науках,

⁷⁰ Там же. С.12.

⁷¹ Егоров А.Д. Лицеи России. Опыт исторической хронологии. Императорский Александровский (бывший ЦС) лицей. Иваново. 1995. С. 135.

⁷² Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности министерства народного просвещения... С. 76.

служащих приготовлением юношества на службу государству».⁷³ Выпускники лицея должны были стать элитой по окончании обучения. Нежинский лицей завершает систему элитарных учебных заведений особого типа.

Ю.А. Диссон в своей классификации учебных заведений «особого типа» в качестве классифицирующего признака определяет чин, получаемый воспитанником по окончании обучения. Исходя из этого, наиболее привилегированным назван Царскосельский лицей, предоставлявший возможность получения максимального IX чина по Табели о рангах (титулярный советник, лейтенант в гвардии, ротмистр в сухопутных войсках, капитан-лейтенант на флоте). На ступень ниже располагались Благородные пансионы при Московском и Петербургском университетах, дающие возможность получить максимальный X чин. За ними следуют Демидовское высших наук училище и Гимназия высших наук князя Безбородко – они, как университеты до 1822 г., давали право на чины не выше XII класса, что соответствовало статусу выпускника университета. Примерно на том же уровне находился и Ришельевский лицей, воспитанники которого при выпуске имело право на чины с XIV до XII класса. Только выпускники Педагогического института – особого отделения Ришельевского лицея – получали IX класс при условии обязательной шестилетней службы надзирателями или адъютантами по ведомству народного просвещения⁷⁴. Это подразделение Ришельевского лицея фактически становилось "профессорским институтом", однако оно не вписывалось в ряд закрытых сословных заведений.

Имеет смысл рассматривать систему лицеев с точки зрения сословности т.к. одной из причин их создания было требование дворянства о сословном

⁷³ Егоров А.Д. Лицеи России. Опыт исторической хронологии. Лицей князя Безбородко. Иваново. 1995. С.14.

⁷⁴ Диссон Ю.А. Лицеи и благородные пансионы в системе народного просвещения России в первой трети XIX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 2008. С. 5.

характере образования. Исходя из этого весь ряд учебных заведений можно разделить на две группы, приняв в качестве классифицирующего признака сословную замкнутость. В первую группу войдут: Царскосельский лицей и лицейский пансион, Московский и Санкт-Петербургский университетские благородные пансионы. Если руководствоваться исключительно принципом сословности, то в эту систему можно включить и Смольный институт, точнее его «Николаевскую половину», где воспитывались дочери отцов, имевших чины от полковника или статского советника и выше. Ко второй группе учебных заведений можно отнести Демидовское училище, гимназию князя Безбородко в Нежине и Ришельевский лицей, поскольку в их составе присутствовал и разночинный элемент. Так, в Демидовском училище в середине 1805 г. общее число обучающихся составило 30 человек, из них родители лишь нескольких воспитанников владели небольшими поместьями, с числом душ от 1 до 70, а остальные не имели их вовсе⁷⁵. То же размывание сословных границ наблюдается и в составе воспитанников лицея князя Безбородко, ибо уже в его уставе говорится об обучении дворян и жителей другого сословия. Возможно, это связано с тем, что все эти учебные заведения находились на периферии, где сословные рамки были более подвижны. И наоборот, была подчеркнута элитарность лицея и пансионов, располагавшихся в столичных городах, в которых принципы замкнутости дворянского сословия не нарушались. Принцип сословности, проводимый в образовательной политике николаевского царствования, заставлял открывать благородные пансионы практически во всех губернских гимназиях.

⁷⁵ Егоров А.Д. Лицеи России. Опыт исторической хронологии. Демидовский юридический лицей. Ч.1. Иваново. 1995. С.22.

Глава II. Учреждение Благородного Пансиона при Главном педагогическом институте его внутреннее устройство

К моменту учреждения Петербургского БП в 1817 г. уже существовали учебные заведения «особого типа», которые, с одной стороны, выполняли государственный заказ, заключающийся в подготовке квалифицированных чиновников для государственной службы, а с другой стороны, соответствовали потребностям дворянства, которое с последней трети XVIII в. проявило стремление к систематическому образованию и готовность служить в гражданской службе. В положении о БП МУ его целью определялось: «научить детей или просветить их разум, и через то приуготовить их нужными быть членами в обществе; вкоренить в сердца их благонравие и чрез то сделать из них истинно полезных, то есть честных и добродетельных сограждан; сохранить их здравие и доставить телу возможную крепость, столь нужную к несению общественных трудов к должному отправлению успехов государственной службы»⁷⁶.

Тогдашний университет, как действительный «рассадник просвещения», в котором предполагалось серьезное штудирование науки, для петербургского общества того времени представлялся еще не потребностью, а роскошью⁷⁷. Дворянство и чиновничество, проникнутые аристократической спесью, отвращались от университетов, где их дети должны были сидеть вместе с разночинцами и "поповичами", выходцами из духовногного звания. Поэтому родители помещали своих чад в Царскосельский лицей или Благородный пансион при университете.

Еще одна причина создания БП была заложена в уставе Главного педагогического института. В 5 параграфе его сказано: «Чтобы институт мог пользоваться всеми средствами и пособиями для достижения своей задачи, устанавливалось право образовывать при себе пансион, в котором бы

⁷⁶ Дюссон Ю.А. Московский университетский благородный пансион в системе народного просвещения России конца XVIII – первой трети XIX века // XV Ежегодная богословская конференция. М., 2005. С. 201

⁷⁷ Там же.

студенты института имели возможность испробовать свои теоретические познания на практике, испробовать свои педагогические силы и обрести некую опытность, особенно необходимую в столь важном и сложном деле, как обучение и воспитание детей»⁷⁸.

Интересное обоснование открытия БП ГПИ предлагает О.Б. Островский считая, что одна из важнейших причин его создания связана с «засильем» иезуитских образовательных учреждений в столице империи, в которые принимались юноши из состоятельных аристократических семей и образовывались в духе вольтерьянства и свободомыслия⁷⁹. Создание БП правительству представлялось мерой по «христианизации» дворянского воспитания и сохранению идеологического и нравственного контроля за ним. Думается, эта точка зрения имеет право на существование.

В 1817 г. по инициативе попечителя Петербургского учебного округа С.С. Уварова Министерством народного просвещения было признано своевременным и необходимым открыть новое привилегированное учебное заведение в столице. Задачи, возложенные на него, были сформулированы во втором параграфе «Положения...» для БП ГПИ: «Пансион будет иметь двоякую цель: 1. Приготовить воспитанников к слушанию лекций при Главном Педагогическом институте и других университетах; 2. Образовать их к службе гражданской, согласно высочайшего указа 6 августа 1809 года»⁸⁰. Вопрос о продолжении образования воспитанниками БП в ГПИ (в дальнейшем СПУ) остался открытым, на данном этапе работы нам не удалось выявить воспитанников пансиона, поступавших в университет.

Что касается того положения, которое занимал БП ГПИ в системе народного просвещения, то он состоял под особым покровительством министра народного просвещения, и непосредственно подчинялся

⁷⁸ Сборник постановлений по министерству народного просвещения. Т. 1. 1802-1825... Стлб. 830.

⁷⁹ *Островский О.Б.* Судьба народного образования в России 1815-1825 гг. // Вестник Ленинградского университета им. А.С. Пушкина. 2013. Т.4. №2. С. 7-20.

⁸⁰ Сборник распоряжений по министерству народного просвещения. Т. 1... С. 294.

попечителю Санкт-Петербургского учебного округа, как и сам ГПИ, на который не распространялись университетские уставы 1804 г.⁸¹.

В печатном «Описание торжественного открытия Благородного пансиона Главного педагогического института в 1 день сентября 1817 года», обнаруженном нами в фонде Н.А. Маркевича, процедура открытия пансиона описана достаточно ярко. К 11 часам, в арендованный у купца Отто дом на набережной Фонтанки съехались родители и воспитанники, начальство других учебных заведений, чиновники МНП. После молебна и освещения дома пансиона были произнесены приветственные речи исправляющим должность попечителя СПб. учебного округа действительным камергером Михаилом Александровичем Салтыковым, а также директором ГПИ и БП действительным статским советником Кавелиным. Кроме этого Д.А. Кавелин представил списки преподавателей и воспитанников, которых на тот момент насчитывалось 41. После этого гости осмотрели дом пансиона, а завершилось торжество праздничным завтраком⁸².

«Положение» регламентировало внутреннее устройство Пансиона. Так, во главе его стоял директор, который одновременно являлся директором ГПИ. Первым директором в 1817-1824 гг. был действительный статский советник Дмитрий Александрович Кавелин⁸³. А.С. Воронов в «Историко-статистическом обозрении учебных заведений Санкт-Петербургского учебного округа с 1715 по 1828 гг.» писал, что по увольнении Кавелина от должности, Благородный пансион до самого своего преобразования в Первую

⁸¹ Там же.

⁸² РО ИРЛИ РАН. Ф.488. Оп.1. Д. 40. Маркевич Н.А. Материалы к запискам. Путевые журналы, памятные книжки, счета, визитные карточки и проч. Л. 20-23.

⁸³ Дмитрий Александрович Кавелин (1778-1851) – действительный статский советник, выходец из дворян Калужской губернии, с 1803 г. он служил под началом князя Волконского, потом в министерстве иностранных дел начальником отделения, с 1812 г. состоял директором медицинского департамента, в 1816 г. был назначен директором Главного педагогического института, с 1819 г. университета, и пребывал в этой должности до 1824 г. (См.: Соловьев Д.Н. Первое десятилетие Петербургской гимназии. С. 28.)

гимназию непосредственно управлялся инспектором⁸⁴. Об этом же пишет и Д.Н. Соловьев: «Когда в следующем году в университете, с принятием устава Московского университета, должность директора была уничтожена, и Кавелин вышел в отставку, то тем самым уничтожилась и директура при Благородном пансионе»⁸⁵.

Однако это утверждение историков XIX в. не совсем верно. В фонде БП в ЦГИА СПб, были выявлены формулярные списки чиновников Пансиона за 1830 год. Среди них формуляр Петра Ивановича Бернарда – отставного полковника корпуса инженеров. К моменту назначения на пост директора Благородного пансиона он уже возглавлял Высшее училище т.е. бывшую академическую гимназию (с 5 марта 1827 г.) и временно сверх должности по предписанию министра народного просвещения исполнял должность директора училищ и пансионов Санкт-Петербургской губернии (с 20 октября 1828 года.) За усердную и ревностную службу на посту директора Санкт-Петербургского высшего училища он был пожалован денежной наградой в 4000 руб., о чем имеется соответствующая запись в формулярном списке от 21 марта 1829 г. Наконец, 3 декабря 1829 г. П.И. Берnard был переведен на должность директора университетского Благородного пансиона⁸⁶, которым он руководил последний год его существования, до преобразования в гимназию

⁸⁴ *Воронов А.С.* Историко-статистическое обозрение учебных заведений С.-Петербургского учебного округа с 1715 по 1828 год включительно. СПб., 1849. С. 118.

⁸⁵ *Соловьев Д.Н.* Первое десятилетие Петербургской гимназии... С.81-82.

⁸⁶ **Петр Иванович Берnard** (1783 - ?) - выходец из обер-офицерских детей. Награжден орденом Св. Анны 2 степени, и знаком отличия за 25 лет беспорочной службы. В службу вступил в 1799 г. чертежником в чертежную департамента водяных коммуникаций. Оттуда в 1804 г. прикомандирован к инженер-генералу Ф.П. Деволану для выполнения чертежных вверенной ему инспекции. За усердное исполнение поручений при строительстве Кронштадтских укреплений высочайше пожалован золотыми часами. В 1810 г. определен в корпус инженеров путей сообщения инженером 2 класса с чином капитана. В ведомстве путей сообщения служил до 1825 года, когда по высочайшему повелению уволен по болезни с правом ношения мундира, в чине полковника и с пенсией в размере 400 рублей в год. (См.: ЦГИА СПб ф. 67. Оп.1 д. 89, л. 5-5 об.). Характерная черта николаевского царствования – привлекать на гражданские должности отставных военных, отличившихся верностью императору.

в 1830 г.⁸⁷. Что касается жалования директора Пансиона, то оно назначалось по решению министра народного просвещения.⁸⁸ Так, в примерном штате Благородного пансиона за 1826 г. жалование директора показано в 3000 руб., а также 3000 руб. полагающихся ему столовых денег⁸⁹. То есть жалование директора БП СПУ значительно превосходило жалование ректора университета и действующего профессора, составлявшее 2500-3000 руб.

Инспектор пансиона назначался министром народного просвещения, а его помощник – попечителем Санкт-Петербургского учебного округа. Первым инспектором пансиона был надворный советник Андрей Андреевич Линдквист (1762-1831), по отзывам современников, личность пользовавшаяся уважением как среди коллег, так и среди воспитанников. Пансионер С. Соболевский впоследствии будет вспоминать, что Линдквист путем личных бесед успел образумить и так повлиять на даровитого и самолюбивого юношу, что последний добровольно и охотно возвратился к прерванным научным занятиям. Не ограничиваясь исполнением обязательных требований Соболевский начал изучать испанский язык, усиленно занимался английским, много читал. В этот же самообразовательный период он принялся за изучение португальского языка, которым впоследствии отлично владел⁹⁰. Николай Маркевич оставил яркое описание внешности Линдквиста: «Роста он был большого, парик его был похож на старинный соусник, углы рубашечного воротничка торчали почти до глаз, поворачивался он всем телом, ходил в сапогах скрипучих, медленно, не ворочая ни влево ни в право головой. Говорил отрывисто, громко, грозно, лаконически. И постоянно держал указательный палец правой руки на губах»⁹¹.

⁸⁷ ЦГИА СПб. Ф. 67. Оп. 1. Д. 89. Л. 5 об. – 6 об.

⁸⁸ Сборник распоряжений по МНП. Т 1. 1802-1834... С.295.

⁸⁹ Санкт-Петербургский университет в первое столетие... Т. 1. С. 78.

⁹⁰ Соболевский друг Пушкина. Со статьей В. Сайтова. СПб., 1922. С. 7.

⁹¹ РО ИРЛИ РАН. Ф.488. Оп.1. Д. 82. 40-е – 50-е годы XIX века. Маркевич Н.А. Записки Н.А. Маркевича 1817-1820 гг. Л. 10.

А.А. Линдквист был уволен после беспорядков в пансионе, произошедших в 1821 г. Его преемником, исправляющим обязанности инспектора пансиона был назначен профессор словесности Я. В. Толмачев. В своих записках он подробно описывает свое назначение и пребывание в должности инспектора Пансиона. Так, перед вступлением в должность Толмачев выдвинул условия: наименование должности "исправляющий обязанности" инспектора пансиона; полная самостоятельность в вопросах воспитания и обучения и невмешательство в этот процесс директора; а также сохранение служебной квартиры в здании университета на Васильевском острове⁹². На посту исполняющего обязанности пробыл до 1823 г. По его собственным словам, управление Пансионом при нем вышло на качественно новый уровень. «Я вступил в управление пансионом, переменял всех гувернеров и некоторых учителей, устроил во всем новый порядок и в течение всего моего управления не имел ни малейшего неудовольствия со стороны воспитанников, из которых ни один не оставлял пансиона не окончивши курса и не получивши права на чин X – XII класса. За восстановление порядка устройства в пансионе я награжден орденом Св. Владимира 4 степени»⁹³. Причину своей отставки Толмачев видел в том, что «попечитель Санкт-Петербургского учебного округа Д.П. Рунич, желая угодить директору департамента народного просвещения действительному статскому советнику В.С. Попову, назначил на его место свояка Попова, отставного флотского лейтенанта Н. М. Клемента; под предлогом того, что Толмачеву неудобно посещать свое семейство, находящееся на Васильевском острове⁹⁴. Благородный пансион, под управлением "неопытного и неспособного к образованию юношества моряка", опять впал в большое

⁹² Толмачев Я.В. Автобиографическая записка // Русская старина. 1892. Т. 75. С. 719.

⁹³ Там же. С. 719.

⁹⁴ В 1820-е годы встала проблема территориальной разобщенности университета. После того, как он переехал в здание БП, профессора были вынуждены ходить пешком с Васильевского острова, где размещались служебные квартиры, на окраину города, где размещались БП и университет.

расстройство. Клемент возглавлял Благородный пансион до 1829 г.⁹⁵, после чего "отставлен был от должности и повелено было никуда не принимать его на службу»⁹⁶. Затем, как говорилось выше, директором Пансиона 3 декабря 1829 г. назначается отставной чиновник ведомства путей сообщения П.И. Бернгард. Думается, его назначение носило формальный характер и было вполне в духе николаевской политики, когда на гражданскую службу назначались отставные военные, имеющие особое доверие у императора.

Помощником инспектора в 1817 г. стал экстраординарный профессор Александр Иванович Галич. Он происходил из духовного звания, первоначальное образование получил в Севской духовной семинарии, продолжил обучение в Педагогическом институте, для завершения философского образования был послан за границу в 1808-1811 г., по возвращению был принят в институт профессором логики и психологии. Помощником инспектора (подинспектором) Благородного пансиона Галич пробыл всего 2 месяца, в октябре 1817 г. на его место был принят титулярный советник Алексей Михайлович Пушкин, который на основании личного отзыва профессора Д.С. Чиждова был зачислен в пансион преподавателем военных наук. Маркевич вспоминал, что А.М. Пушкин отличался злопамятностью, вспыльчивостью и подозрительностью, и тем самым снискал всеобщую ненависть⁹⁷. На смену А.М. Пушкину пришел надворный советник Александр Васильевич Башинский кавалер ордена Св. Анны 3 степени. Согласно его формулярному списку перемещен в Благородный пансион из Петербургской гимназии помощником инспектора 12 октября 1823 года⁹⁸. В этой должности находился до 1830 года⁹⁹.

⁹⁵ Соловьев Д.Н. Первое десятилетие Петербургской гимназии. С.82.

⁹⁶ Там же. С. 720.

⁹⁷ РО ИРЛИ РАН. Ф.488. Оп.1. Д. 82. 40-е – 50-е годы XIX века. Маркевич Н.А. Записки Н.А. Маркевича 1817-1820 гг. Л. 10.

⁹⁸ ЦГИА СПб. Ф. 67. Оп. 1. Д. 89. Л. 8.

⁹⁹ Соловьев Д.Н. Первое десятилетие Петербургской гимназии.... С.82.

Директор пансиона, инспектор и его помощник составляли Правление БП, которому вверялось внутренне управление и контроль за его деятельностью. Задачи Правления были сформулированы в «Положении»:

1. Прием воспитанников;
2. Организация учебной части;
3. Управление хозяйственной жизнью.

В своем первоначальном виде Правление БП просуществовало до 1823 г. События 1821 г. в университете и БП повлекли за собой ряд перемен и в административно-хозяйственной жизни. Так, Д.П. Рунич, желая унифицировать управление «мятежным» пансионом, преобразует его правление в Хозяйственный комитет по типу комитетов при Петербургской гимназии и Высшем училище¹⁰⁰. В состав Хозяйственного комитета вошли инспектор БП, его помощник, а также преподаватель Пансиона. В записке министру духовных дел и народного просвещения от исправляющего должность попечителя Д.П. Рунича от 13 октября 1823 г. говорилось: «Касательно закрытия правления Благородного пансиона и открытия хозяйственно комитета. В присутствии профессора Я. В. Толмачева, его помощника Н. М. Клемента, А. В. Башинского и титулярного советника И. Я. Полнера, была открыта касса. В ней: 1247 рублей, 89 и 3/4 копеек, билеты государственного Заемного банка 2000 рублей, 1400 рублей, 6100 рублей, 24 серебряные ложки с инициалами «БП», которые выдавались воспитанникам»¹⁰¹. Реорганизация Правления была связана с тем, что после увольнения директора Кавелина, правление пансиона временно возглавлял исполняющий обязанности ректора университета Е.Ф. Зябловский, у которого просто не было времени заниматься хозяйством БП. После преобразования же Правления в хозяйственный комитет, как писал Рунич,

¹⁰⁰ *Сборник распоряжений по МНП. Т. 1. 1802-1834, С. 510; См.: Азизова Е. Н. Общественно-политическая деятельность Д.П. Рунича... С. 89.*

¹⁰¹ *ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп.3. Д. 615. Л. 24.*

«не будет надобности обременять исправляющего должность ректора университета заседанием в пансионе, а течению дел представится правильных ход»¹⁰². Следовательно, после 1823 г. пансион полностью «поглощается» университетом и входит в его состав.

Таким образом, можно заключить, что после 1824 г. Благородный пансион представлял собой закрытое сословное среднее учебное заведение с правами высшего, которое находилось в составе Санкт-Петербургского университета¹⁰³, однако, имело собственное руководство в лице инспектора и его помощника. Внутреннее устройство Пансионом с созданием хозяйственного комитета приблизилось к модели управления обычным средним учебным заведением.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ БП продолжал оставаться в составе университета, о чем гласил п. 33 Первоначального образования Санкт-Петербургского университета" 8 февраля 1819 г.: "Благородный пансион при ГПИ учрежденный, входит в состав СПУ на особенных правилах, для сего пансиона начертанных, на основании п. 244 Устава институтского" (т. е. Устава ГПИ 23 декабря 1816 г.).

Глава III. Организация учебной части

§ 3.1. Учебная повседневность

Говоря об описании деятельности учебного заведения, невозможно не коснуться темы учебной повседневности. Среди ее элементов нужно выделить такие, как учебный план и сама учебная атмосфера. С их помощью, по выражению И.П. Кулаковой, Благородному пансиону удалось "сломать" стереотип восприятия "науки" как занятия разночинцев и начать изменять отношение к ней дворянского общества в целом" т.е. привлечь дворян к образованию.¹⁰⁴

Как уже было сказано, одна из функций Правления БП пансиона заключалась в приеме воспитанников и в организации учебной части. Рассмотрим эти вопросы детальнее. Согласно «Положению» в БП принимались дети благородных родителей в возрасте от 7 до 17 лет. За всю историю его существования Благородного из этого правила было сделано только одно исключение. 24 сентября 1821 г. на заседании Правления рассматривалось прошение корабельного мастера 5 класса Амосова об определении в число воспитанников его сына Валериана, с предоставлением за содержание его вперед за полгода 750 р. и одновременно 300 р. и с приложением свидетельства о рождении и крещении. Прошение удовлетворили, Валериан Амосов был зачислен в число пансионеров.¹⁰⁵ Число пансионеров определялось «Положением...» равным 100, а на первый случай ограничивалось «по удобствам помещения».

Первое прошение поступило 24 августа 1817 г. от подполковника князя Львова о принятии в число воспитанников его сына Владимира¹⁰⁶. За этим последовали прошения статского советника Астафьева о зачислении двух его детей Алексея и Евграфа, затем были приняты два брата бароны Вревские Борис и Степан, потом были зачислены Мелин Платон, Мартыновский Николай, Сердобин Михаил воспитанник князя Куракина, Стахович

¹⁰⁴ Кулакова И.П. Университетское пространство и его обитатели... С.157.

¹⁰⁵ ЦГИА СПб. Ф. 67. Оп. 1. Д. 3а. Л. 64.

¹⁰⁶ Соловьев. Д.Н. Первое пятидесятилетие петербургской гимназии... С. 24.

Вениамин, Черников Александр, братья Тютчевы Николай и Андрей, князь Владимир Голицын, братья графы Кутайсовы Иван и Иннокентий, Пузыревский Александр и Пузыревский Степан (списки воспитанников см. в Приложении 1).

Нельзя не коснуться вопроса об условиях поступления в БП. В «Положении» ничего не сказано о проведении вступительного испытания, ничего подобного не упоминают в своих опубликованных мемуарах и воспитанник М.И. Глинка и И.И. Панаев. Однако среди делопроизводственных материалов БП, было найдено исполнение предписания министра народного просвещения, в котором говорится о порядке приема воспитанников в БП и выдачи аттестатов воспитанникам, кончившим курс в пансионе за 1827 год.¹⁰⁷ В частности, в этом документе описан порядок проведения вступительных испытаний, который отражает дифференцированный подход к знаниям и способностям поступающих и строгий и всесторонний характер их оценивания.

Родители, желавшие, чтобы их чада обучались в пансионе, подавали прошение в Хозяйственный комитет, к нему прилагали заявку, в которой указывали предметы, по которым дети смогут держать вступительный экзамен. Далее сведения передавалось через инспектора и Хозяйственный комитет пансиона ректору университета, который, в свою очередь составлял временный комитет для испытания воспитанников. Последний состоял из председателя (эта должность отводилась ординарному профессору университета), инспектора и учителя пансиона, который вел этот предмет. Каждый учитель составлял список экзаменационных вопросов и передавал его председателю комитета. Председатель же назначал время собрания и уведомлял об этом всех членов комитета циркуляром. Инспектор приглашал воспитанников на испытание. Экзаменуемые, как сказано в документе, держали экзамен один за другим, согласно списку председателя комитета. Из приготовленных учителем-предметником заранее по каждому предмету

¹⁰⁷ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп.1. Д. 982.

вопросов, испытуемый выбирал 3 отвечал на каждый, причем любой из членов комитета имел право на неограниченное количество дополнительных вопросов. По окончании испытания, по каждому предмету каждый из членов комитета ставит частные баллы отвечающему - от 0 до 4, после этого испытания начиналось следующее - по другому предмету. По окончании всех испытаний из частных баллов выводился средний по каждому предмету экзамена: от 1 до 4.

Исходя из предметов экзамена и полученных средних баллов по ним, каждого воспитанника вносили в список учеников БП, если по каждому из предметов он получал от 2 ½ до 3 баллов или более.

Если испытуемый набирал от 2 до 2 ½ баллов, то в таком случае принимался в следующий низший класс, против предыдущего. А в случае, когда средний балл составлял не больше 1 ½, тогда его помещали в следующий низший класс, относительно предыдущему. Если же воспитанник не оказывал никаких успехов, кроме языков, он помещается в первый низший класс БП. Показавшие отличные успехи в науках, преподаваемых в первых трех классах, могли быть зачислены сразу в III класс в начале учебного года.¹⁰⁸

Похожую процедуру описывает и Н. Маркевич в своих неопубликованных воспоминаниях¹⁰⁹. Характерно, что сначала Маркевич сначала был зачислен в число пансионеров, после этого был проведен медицинский осмотр и публичное испытание. По результатам экзамена пансионер Маркевич зачислен в III класс.

Все пансионеры по отношению к источникам, из которых оплачивалось их обучение делились на своекоштных то есть тех, чьи родители сами оплачивали их содержание, стипендиатов императора или членов императорской фамилии, и «экономических» – тех, кто обучался «из экономических средств заведения». На последнюю категорию пансионеров

¹⁰⁸ ЦГИА СПб., Ф. 14. Оп. 1. Д. 982, Л. 1-4.

¹⁰⁹ РО ИРЛИ РАН. Ф.488. Оп.1. Д. 82.: 40-е – 50-е годы XIX века. Маркевич Н.А. Записки Н.А. Маркевича 1817-1820 гг. Л. 8 об.

стоит обратить более пристальное внимание. Определение в БП казенных воспитанников, находящихся на особом положении, зависело от распоряжений министра народного просвещения. В первый раз такое произошло в 1819 г., когда в пансион были определены два сына инспектора казенных университетских студентов. Принимать такого рода пансионеров возможно было только при наличии 100 своекоштных воспитанников.¹¹⁰

Распоряжениями министра народного просвещения от 26 июля 1826 г. и от 23 апреля 1827 г. было ограничено число воспитанников, определяемых в пансион за счет экономических средств БП. По состоянию на 1828 г. в пансионе находилось: на иждивении Государя Императора и Высочайшей фамилии 13 человек из числа обучающихся; на содержании родителей - 91, и за счет сумм пансиона 4 человека, итого 108 воспитанников.¹¹¹

Всего в 1817 году в пансион было принято 49 человек, из них большую часть составляли своекоштные, стипендиатом императорской фамилии был Павел Раншалов¹¹².

Выработкой оптимального учебного плана и организацией учебного процесса занималось Правление БП. Первоначально следовало определить количество лет обучения в пансионе для каждого воспитанника. Отталкиваясь от параграфа 14 «Положения», то есть «приемля во уважение различая возраста пансионеров и предварительные познания, с которыми они поступают»,¹¹³ положено было разделить курс на 4 года, таким образом, курс каждого класса равнялся году.

Архивные материалы фондов ЦГИА СПб, касающиеся учебного процесса, представляют собой разрозненные документы, зачастую не атрибутированные, а иногда и плохой сохранности. Исходя из этих данных, и малочисленных историографических сведений описать учебный процесс не

¹¹⁰ ЦГИА СПб, Ф. 67. Оп.1. Д.69. Л. 10 об.

¹¹¹ Там же.

¹¹² Соловьев, Д.Н. Первое пятидесятилетие петербургской гимназии... С.30.

¹¹³ Сборник распоряжений по МНП. Т 1... С. 296.

представляется возможным. Однако, в «Положении» об организации БП при ГПИ говорится о том, что БП при ГПИ будет учрежден по образу Царскосельского лицея¹¹⁴. Формулировка, достаточно общая и требующая пояснений. Можно предположить, что за основу была взята царскосельская модель, однако, не самого лицея, а Благородного пансиона при нем (*БП ЦС*) открытого 27 января 1814 г.¹¹⁵. Во-первых, оба пансиона были открыты с разницей в три года¹¹⁶, во-вторых, цели, закрепленные в «Положениях» идентичны. Так, цели БП ЦС определялась как «двоякая: устройство в нем рассадника для Царскосельского лицея, доставление нового способа дворянству для приличного званию сему воспитания».¹¹⁷ Во втором параграфе Положения для БП при ГПИ о его цели сказано похожими словами: «Пансион будет иметь двоякую цель: 1. Приготовить воспитанников к слушанию лекций при Главном Педагогическом институте и других университетах; 2. Образовать их к службе гражданской, согласно высочайшего указа 6 августа 1809 года» .¹¹⁸

В-третьих, близким был возраст воспитанников. Воспитанник БП Николай Маркевич писал, что среди 130 воспитанников первого набора преобладали дети 8-9 лет, но были и 13-16-летние и даже двое 18-летних.¹¹⁹ Александр Дмитриевич Егоров, выделяет 3 возраста у пансионеров БП ЦС: младший (8-10 лет), средний (10-13), старший (13-18) лет.¹²⁰

Исходя из этого можно сделать вывод, что и учебные программы двух пансионеров были схожи. А опираясь на одну, возможно реконструировать

¹¹⁴ *Сборник постановлений по министерству народного просвещения*. Т. 1. 1802-1825. Спб., 1864. Стлб. 830.

¹¹⁵ *Егоров А.Д.* Лицеи России. Опыт исторической хронологии. Императорский Александровский (бывший Царскосельский) лицей. Иваново. 1995. С.103.

¹¹⁶ Благородный пансион при Главном Педагогическом институте открыт 25 августа 1817 года.

¹¹⁷ *Егоров А.Д.* Императорский Александровский (бывший Царскосельский) лицей... С.135.

¹¹⁸ *Сборник распоряжений по министерству народного просвещения*. Т. 1. 1802-1834. Стлб. 294

¹¹⁹ *Косаческая Е.М.* Н.А.Маркевич. 1804-1860. Л. С. 31.

¹²⁰ *Егоров А.Д.* Императорский Александровский (бывший Царскосельский) лицей.... С.120.

другую, подкрепляя свою гипотезу архивными данными. Интересную мысль предлагает Н.Н. Аурова, которая, опираясь на взгляды современников, считает, что ЦС – прямой продолжатель традиций БП МУ¹²¹.

Д.Н. Соловьев пишет, что в БП ГПИ существовало разделение предметов на обязательные и необязательные, к последним относился английский и почти все искусства (музыка, пение, танцевание, фехтование). Далее, весь курс по характеру и важности обучения делился на старший (I и II классы) и младший (III, IV и V (подготовительный) классы).¹²² В старших классах преподавались: Богословие, философия, права, теория словесности, естественные науки, военные науки, фехтование, а в младших – краткий катехизис, Священная история, грамматика отечественного, древних и новых языков. Математика и история были общими предметами.¹²³

Учебная часть БП ЦЛ состояла из шести классов. В низшем, I, изучались «первоначальные познания», а в V и VI классах – «высшие науки», эти классы равнялись курсу старшего возраста лица. В старших классах преподавались: богословие, философия, право, словесности, политическая экономия, наука о финансах, а кроме того, рисование, фехтование, верховая езда, плавание,¹²⁴ т.е. те предметы, которые в БП были не обязательными. Такое разделение предметов можно объяснить тем, что ЦС готовил государственных деятелей.

В ЦГИА СПб в ф. 13 сохранился журнал для записывания лекций, преподаваемых ученикам, поступающим в БП ГПИ, который, вероятно,

¹²¹ См.: *Аурова Н. Н.* От кадета до генерала. Повседневная жизнь русского офицера в конце XVIII- начале XIX века. М.: Новый хронограф, 2010. С. 157.

¹²² Согласно «Положению» в БП устанавливался четырехлетний срок обучения. Д.Н. Соловьев пишет, что «дальнейшая практика показала, что он (срок обучения) недостаточен для выполнения всей учебной программы и с этой целью был введен V класс, стоявший как бы все собственно пансионерских классов, и в котором можно было оставаться неопределенное число лет. См.: Соловьев Д.Н. Первое десятилетие Петербургской гимназии... С.30-31.

¹²³ *Соловьев Д.Н.* Первое десятилетие Петербургской гимназии... С.31.

¹²⁴ *Егоров А.Д.* Императорский Александровский (бывший Царскосельский) лицей... С.128-129.

составлялся дежурным комнатным надзирателем или гувернером. Ведение подобных рукописных журналов характерно для учебных заведений XVIII века. Первая запись от 18 апреля (год не указан). Учебный день начинался со священной истории от 8 до 9 ½. «Из которой ничего не было преподаваемо, но означенные часы заняты были изъяснением молитвы, чтением поочередно одним из учеников перед начатием учения».¹²⁵ После этого преподавалась "русская грамматика от 9 ½ до 11 часов. Разбирали понятие имени существительного, его различая по сути предметов: одушевленные и неодушевленные, разделение имен существительных, означающих их чувственный предмет: собственные, нарицательные, собирательные.¹²⁶ Занятия продолжились с 2 часов по полудни классом греческого языка. "Было объяснено начертание и выговор всех букв вообще и частные замечания о произношении и письме некоторых".¹²⁷ Последним классом был греческий язык с 3 до 4 часов. Часть воспитанников (Лебединский, Латвешев, Благовещенский и Овчинников) переводили статью из книги, для другой части класса было показано начертание и выговор букв, их разделение, произношение; о частях речи, о имени вообще, о имени существительном, роды имен, общие правила родов.¹²⁸

19 апреля первым уроком была арифметика, вторым – греческий язык, далее латинский язык, последним – русская грамматика. Половина учеников занималась сперва логическим, а потом грамматическим, по частям речи, разбором следующего периода: "хотя бы сильная буря все стихии возмущала; хотя бы густейшими тучами покрылись небеса и от наглости ветров и дождей все притихло в волнение и трепетании; однако луч, почиющий в объятиях добродетели, и тогда есть благополучен". Остальным, которые только "начали знакомиться с русскою грамматикой", показано было "краткое начертание I

¹²⁵ ЦГИА СПб Ф.13. Оп.1. Д. 1962. Л.21.

¹²⁶ Там же.

¹²⁷ Там же. Л.21 об.

¹²⁸ Там же.

склонения имен существительных с практическим значением их умственной деятельности".¹²⁹ Такое разделение деятельности подтверждает тезис Соловьева о том, что низшие классы, на основании различного уровня познаний воспитанников, разделены были на два отделения¹³⁰, которые могли заниматься одновременно разными по сложности заданиями.

Запись о содержании занятий 20 апреля. "Российская история от 9 ½ до 11 часов. Начато учение рассказом их собственной жизни, в которой после указаны были замечательные случаи, история жизни каждого представлена была в виде линии, на которой обозначены были годы замечательных случаев и названы эпохами, а промежутки между ними периодами. И сделано замечание по поводу различий сих наименований. Потом переход к истории российской, которую также представили на линии и назначили 5 эпох и 4 периода. Показана причина, по которой начата история России со вступления на престол дома Романовых". После кратко упомянуто то, что предшествовало в истории России до избрания Михаила Фёдоровича. Для улучшения в памяти названий городов, областей и местечек, и для наглядности повествуемых происшествий была начерчена карта России на доске, чуть обозначив примечательные места"¹³¹.

О преподавании истории вспоминает пансионер Иван Панаев. «Средняя история» была поручена С.В Соловьеву, а новая и русская – Трофиму Осиповичу Рогову. Т. О. Рогов, как пишет мемуарист, «брал с нас подписку на свой курс истории. Он говорил, что этот курс у него совсем готов, стоит только приступить к печатанию, но прибавлял наивно, что он боится разбойника Полевого, для которого нет ничего священного и который, пожалуй, обругает его».¹³² Насмешливое отношение к профессору, который не мог претендовать на звание ученого даже по понятиям пансионеров,

¹²⁹ ЦГИА СПб. Ф.13. Оп.1. Д. 1962. Л.22.

¹³⁰ Соловьев Д.Н. Первое десятилетие Петербургской гимназии. СПб., 1880. С.32.

¹³¹ ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп.1. Д. 1962. Л.22 об.

¹³² Панаев И.И. Литературные воспоминания. М., 1998. С. 10-11.

отразилось в его характеристике, живой и яркой. «Профессор истории Т. О. Рогов, вяло преподававший историю по учебнику Кайданова - маленький, тучный человек, страстный охотник до ватрушек, читал нам однажды об Лжедмитрии. Некоторые из учеников запаслись накануне за ужином сырниками и положили их утром разогреть в печь... Запах творога начал щекотать тонкое обоняние профессора, и он, не dokonчив фразы, сошел с кафедры и отправился прямо к печной заслонке, отворил ее и, запустив руку в печь, воскликнул:

- Уж тут у вас, наверно, ватрушки?

- Это, Трофим Осипович, - заметил один из учеников, - лжеватрушки, потому что это сырники». ¹³³

"Журнал для записывания лекций" отразил и преподавание точных и естественных наук в пансионе. "21 апреля. Арифметика от 8 до 9 ½. Прочитано было определение единицы, определение числа, деление чисел на простые и именованные, происхождение чисел и способ изображать и выговаривать. Для домашнего задания задана таблица сложения. ¹³⁴

География. 3 до 4 часов по полудни. Читано было: 1. О виде земли, 2. О движении земли, 3. О точках именно полюсах земли, при сем сказано и об оси земной, 4. Об экваторе, именно определение и деление его на градусы, здесь учениками найдена окружность земли в милях и российских верстах". Географию и статистику в БП преподавал адъюнкт-профессор Константин Иванович Арсеньев, воспитанник Костромской духовной семинарии, а впоследствии Педагогического института. ¹³⁵ Кроме географии и статистики Арсеньев читал еще и древнюю историю ¹³⁶. Арсеньев будет уволен

¹³³ Там же.

¹³⁴ ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп.1. Д.1962. Л.22 об.

¹³⁵ Соловьев. Д.Н. Первое пятидесятилетие петербургской гимназии... С. 37.

¹³⁶ Панаев И.И. Литературные воспоминания... С. 11.

"Латинский язык от 8 до 9 ½ .1 отделение. Ученики после повторения лекции занимались грамматическим разбором и переводом статьи под названием «Pullins valerns lacoims». К следующему классу задано выучить из той статьи 5 строк, а к 13 числу задано повторить 8 строк".¹³⁷ И.И. Панаев вспоминал, что «бессмысленное заучивание наизусть, слово в слово по книге, было основой учения, и поэтому самые тупые ученики, но одарённые хорошою памятью, всегда выходили первыми». ¹³⁸

Опираясь на «Ведомость об успехах и поведении»¹³⁹ пансионера III класса Николая Маркевича можно реконструировать список предметов, читаемых в младшем III классе БП (Приложение 2). Среди предметов значатся: логика и мораль, естественная история, греческий язык, закон Божий, математика, история, география, и языки латинский, русский, французский, немецкий, английский. Стоит отметить явный гуманитарный уклон в реестре предметов.

Сложилась следующая система оценивания успехов учеников: 4 – очень хорошо, 3 – хорошо, 2 – изрядно, 1 - худо. Так, у пансионера Маркевича «худо» было с математикой, естественной историей и французским, а «очень хорошо» с русской словесностью и законом Божиим¹⁴⁰.

В целом, качество знаний воспитанников было невысоким. И.П. Кулакова считает, что «как сословное учебное заведение, пансион при Московском университете имел все признаки привилегированности в программах и предметах: широко, но не глубоко». ¹⁴¹ Сами преподаватели пансиона жаловались на то, что уровень знаний не соответствует тем привилегиям, которые получали выпускники. И.И. Панаев вспоминает: «Некоторые профессора университета и учителя не скрывали по этому

¹³⁷ ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп.1, Д.1962. Л.32 об.

¹³⁸ Панаев И.И. Литературные воспоминания... С.29.

¹³⁹ РО ИРЛИ РАН. Ф.488. Оп.1. Д. 40. Л. 26.

¹⁴⁰ Там же.

¹⁴¹ Кулакова И.П. Университетское пространство и его обитатели... С.161.

поводу своего негодования и высказывали его очень резко, особенно на экзаменах. Они пожимали плечами, покачивали головами и справедливо замечали, что награждать университетскими привилегиями таких неучей, как мы - вопиющая несправедливость. Об этом нам особенно часто повторял учитель латинского языка, преподававший этот язык также и в Высшем училище. Он с каким-то особенным ожесточением нападал на нас. Неблаговоспитанность его доходила до крайних пределов. Если кто-нибудь из нас не знал урока и повторял подсказываемое ему, сзади товарищем, - то учитель, насупив свои густые брови, восклицал обыкновенно:

- Коли будешь слушать чужие речи, то тебе взвалят осла на плечи. - Болван!

При таких грубых выходках оскорбленные ученики поднимались со своих скамеек и в один голос говорили:

- Покорно прошу обращаться с нами вежливее. Здесь не Высшее училище. Мы дворяне.

- Ах вы, пустоголовые дворяне! - возражал учитель: - ну какой в вас толк? Да у меня в Высшем училище последний ученик, сын какого-нибудь сапожника, без одной ошибки проспргает глагол *ато*, покуда я его держу на воздухе за ухо...

Профессор математики, экзаменовавший нас, обыкновенно повторял с злобою:

- Нет, никуда вы не годитесь... разве только в гусары либо в уланы».¹⁴²

Можно видеть, что в этих ярких диалогах отражается взаимная антипатия, обусловленная социальной дистанцией между дворянами-учениками и профессором, вышедшим из демократических слоев. Научить и тем более воспитать юношей при таком напряжении социального чувства было нелегко. Думается, отсутствие ожидаемых академических успехов и в

¹⁴² Панаев И.И. Литературные воспоминания. С.28-29.

то же время социальная напряженность в стенах БП в значительной мере послужила поводом к преобразованию пансиона в гимназию 1830 году.

§ 3.2. Внеучебная повседневность

Несмотря на обилие предметов, преподаваемых в БП, у воспитанников оставалось и свободное время, которым они распоряжались на свое усмотрение. Пансионер Михаил Глинка вспоминал, что «всегда находил способ в последний год пребывания в пансионе под предлогом болезни гостить у дядюшек»¹⁴³. Николай Маркевич писал, что в университетском пансионе не без участия Кюхельбекера, «в тайне от педагогов и воспитателей» создавались «закрытые общества»¹⁴⁴. Одно из них носило название «Общество гвардейцев», а затем «Свободолюбцы». В целях конспирации (на всех заподозренных в неблагонадежности завели «Зеленую книгу») возникло «Общество забав», а затем «Малороссияне», куда принимали украинцев, за исключением «шпионов и доносчиков».¹⁴⁵ В упомянутых юношеских конспирациях БП, которые остались не известны полиции, отразилось повсеместная культурная мода эпохи "тайных обществ"¹⁴⁶.

В начале 1821 г. в БП произошли беспорядки. Директор пансиона Д.А. Кавелин доносил попечителю С.С. Уварову 20 января 1821 г. о происшедших в пансионе беспорядках.¹⁴⁷ В частности, сообщалось о том, что «в 3 классе Университетского пансиона, который, предположив принудить переменить в нем учителя Пенинского, два раза погасил в нем свечи, производил шум и другие непристойности, и что начинавшего пансионера Пушкина и участвовавшего более других, замеченного с нехорошей стороны в прочих

¹⁴³ Глинка М.И. Записки. М., 1998. С.12.

¹⁴⁴ Косаческая Е.М. Н.А.Маркевич. 1804-1860. Л. С. 37.

¹⁴⁵ Там же.

¹⁴⁶ См.: Бокова В.М. Эпоха тайных обществ. Литературные и общественные объединения первой трети XIX в. М.: Реалии пресс, 2003. 655 с.

¹⁴⁷ Санкт-Петербургский университет в первое столетие его деятельности... С.131.

случаях, Верховского я выслал из пансиона. Вчера поутру нашел я в классе сем между некоторыми нераскаянность в сем поступке их и принужден был некоторых наказать. Сие возбудило некоторый ропот в их товарищах». ¹⁴⁸ Оба зачинщика были исключены из числа пансионеров, остальные предупреждены, "ропот" пресечен предложением коллективно просить прощения.

В чем же причина этих «беспорядков»? Их правомерно рассматривать как отголоски общественных конфликтов "взрослого" Петербурга. В мае 1820 г. поэт А.С. Пушкин был выслан из Петербурга, на что его лицейский товарищ В.К. Кюхельбекер откликнулся стихотворением «Поэты», в котором воспевает друга. Кюхельбекер в августе 1820 г. подает в отставку, ссылаясь на проблемы со здоровьем. Его заменяют новым учителем Иваном Пеннинским. В архиве сохранился журнал комитета ГПИ, назначенного для испытания губернского секретаря Пеннинского в удостоверении "имеет ли он достаточные познания для преподавания латинского и русского языка". ¹⁴⁹ Экзамен проходил 2 марта 1818 г., заседание продолжалось с 6 до 9 часов. На нем присутствовали: ординарные профессора-филологи Федор Богданович Грефс, Яков Васильевич Толмачев, историк Эрнст Раупах и экстраординарный профессор Никита Иванович Бутырский. Комиссия заключила из ответов г-на Пеннинского "как письменного, так и словесных приложенных под буквами «А» и «В»", что в латинском и русском языках он имеет очень хорошие познания, которые "совершенно соответствуют будущему его назначению" ¹⁵⁰. Тем не менее воспитанники пансиона с неудовольствием встретили приход Пеннинского на место любимого ими Кюхельбекера. Эта мера на волне «борьбы с вольномыслием» придала этой истории политический окрас.

¹⁴⁸ Там же.

¹⁴⁹ ЦГИА СПб. ф. 13, оп 1, д. 1842. Л. 2.

¹⁵⁰ Там же.

Е.М. Косачевская считает, что «бунт» (а именно так именовалось в официальных документах это событие) в БП стал продолжением, ранее прокатившихся по дворянским учебным заведениям беспорядков.¹⁵¹ Н.Маркевич пишет, что пансионеры хорошо знали о таких событиях как: «заговор в Конюшеском училище против начальства», бунт кадетов Пажеского корпуса в 1818 г., который «сопровождался битьем стекол», в 1819 году в Царскосельском лицее происходили «вреднейшие беспорядки по части учебной и нравственной».¹⁵² Знали также пансионеры и о «семеновской истории»¹⁵³.

Последствия не заставили себя ждать. 26 февраля 1821 г. из пансиона был исключен Лев Пушкин, вместе с ним "высланы" (исключены) Павел Верховский, Василий Литвинов, и Александр Шипилов¹⁵⁴.

Однако «беспорядки» не ограничились исключением воспитанников. Правительство всерьез решило реформировать пансион. В представлении попечителя министру от 2 марта 1821 г. о распоряжениях по пансиону в связи с происшедшими в нем беспорядками значилось: изменение учебной части по случаю большого числа предметов и не соответственному их распределению, увеличение количества комнатных надзирателей до 10 человек, отпущение на выходные к родителям и родственникам не чаще раза в две недели¹⁵⁵. Таким образом, правительство принимало все возможные меры для того, чтобы предотвратить повторные беспорядки.

Обратимся к повседневной стороне жизни в Благородном пансионе. Образчиком послужил ЦС.

¹⁵¹ Косачевская Е.М. Н.А.Маркевич. С. 41.

¹⁵² Там же.

¹⁵³ Е.М. Косачевская упоминает "бунт" Семеновского полка в октябре 1820, который произвел в Петербурге большой общественный отклик, основываясь на воспоминаниях Н. Маркевича. Однако к тому моменту он уже покинул пансион для того, чтобы вступить в военную службу.

¹⁵⁴ Санкт-Петербургский университет в первое столетие его деятельности... С. 416-422.

¹⁵⁵ Там же. С. 430.

Попробуем реконструировать распорядок дня пансионера. В 5 ½ часов утра летом и в 6 часов зимой пробуждение. С 6 до 7 - умывание, одевание, молитва, чтение и завтрак. В «Правилах, определяющий порядок движений целого дня и обязанности комнатных надзирателей и служителей благородного пансиона»¹⁵⁶ сказано, что первым звонком служители "осторожно пробуждают детей", по второму звонку воспитанники надевают, сидя на кроватях, чулки сапоги и халаты, и став каждый перед своей кроватью, обращаются к образу и делают земной поклон, "принося благодарение Господу за сохранение их во время прошедшей ночи". По третьему звонку воспитанники, по два в ряд, идут в одевальную комнату, те, которые ближе к дверям, впереди, а за ними по порядку ближайšie. Говорить в это время не разрешается. Остающиеся же в спальнях воспитанники ожидают, стоя у кроватей, своей очереди, наблюдая молчание, пока не будут уведомлены звонком, что настало время одеваться. За нарушение порядка в первый раз следует лишение завтрака, во второй раз – завтрака и обеда, в третий – завтрака, обеда, полдника и ужина, а в четвертый раз нарушитель подвергается заключению в "уединенное место" на время, определенное инспектором. Телесные наказания в пансионе были запрещены.

Показательный пример. В 1821 г. во время "беспорядков" в пансионе из-за недовольства учителями его зачинщики были исключены из пансиона. Товарищи вступились за исключенных и даже вступили в спор с директором пансиона Д.А. Кавелиным о его праве применить телесные наказания к недовольным. Эта история стала достоянием петербургской общественности, создав негативную репутацию Д.А. Кавелину. Вот как этот эпизод интерпретирует А.И Тургенев в письме П.А Вяземскому: «Ученики требуют перемены учителей, а именно географии и русской словесности... Кавелин не нашелся и напал, кажется, на невинного или, по крайней мере, на менее виновного, по одному только имени: это брат Пушкина. Его выгнали из пансиона, но товарищи вступились за него. Когда Кавелин сказал ученикам:

¹⁵⁶ Там же. С. 67-68.

«Знаете ли вы, что я имею право вас высечь? - «Вы имеете силу, а не право»»¹⁵⁷.

Однако пансионер Н. Маркевич вспоминает, что экзекуции были постоянными. Их проводил помощник эконома Петр Делин. «Сладкоречивый, улыбающийся, был у нас постоянный экзекутором. И уж должно отдать справедливость, умел знатно высечь. Знал, где чувствительные, а где долго заживает. Умел делать во время сечения приговорки, замечания, наставления, рассуждения. Подкинуть острое словцо. Давал отдыхать минуты 3, разумеется, чтобы разболелось, и потом еще большее было продолжение. Продолжалось не менее четверти часа. Он у многих остался в памяти, да и следы его стараний и трудов остались у иных навсегда в виде оспин и белых черточек»¹⁵⁸.

Вернемся к распорядку дня. На завтрак обычно давали чай или свежее молоко с белым хлебом¹⁵⁹. Далее следовал час для подготовки к урокам, а 8 часов утра начинались занятия. С 12 до часа дня – обед, состоящий из трех блюд. С часа до двух – отдых, с двух до четырех — занятие, с четырех до шести – гимнастические упражнения и гуляния, после этого давалось два часа на подготовку к урокам. В восемь часов все воспитанники собирались на ужин, состоявший из двух блюд¹⁶⁰. За ужином следовала вечерняя молитва и подготовка ко сну. В 10 часов объявлялся отбой для младших, старшим же разрешалось сидеть до 10 ½. Всю ночь в каждой спальне горела лампа, а два служителя должны были ходить по спальням, сменяя друг друга, всю ночь. Служители запирали наружные двери в комнаты, отдавая ключи дежурному надзирателю. Если ночью кому-то из воспитанников "приключался

¹⁵⁷ Пономарева В.В., Хорошилова Л.Б. Университетский благородный пансион.... С. 350.

¹⁵⁸ РО ИРЛИ РАН. Ф. 488. Оп. 1. Д. 82. Л. 12 об.

¹⁵⁹ Сборник распоряжений по МНП. Т 1. 1802-1834. С. 299.

¹⁶⁰ Там же. С. 299.

болезненный припадок", то дневальный служитель, "пробуждал дежурного надзирателя для принятия надлежащих мер"¹⁶¹.

В комнатах жили по 2-3 воспитанника, размещали их по возрасту. Каждый имел железную кровать с волосяным матрасом, зимним байковым одеялом и летним полуситцевым, шкаф для классных вещей и книг с ящиками внизу для белья и платья.¹⁶² При поступлении в БП воспитаннику выдавался комплекты одежды: платья суконного, летнего, белья, обуви и аксессуаров. В платье суконное входили: зимняя шинель, подбитая байкою, сюртук для ношения в классе и дома, фрак или полуфрак и куртка, брюки, панталоны, жилет и фуражка с лакированным козырьком. Н. Маркевич писал: «Я натянул на себя узкие, претолстые подштаники, такие уже узкие китайчатые штаны, завязал все узким черным шелковым галстуком, надел черный клетчатый жилет, и наконец, толстого зеленого сукна с красным воротником и красными обшлагами куртку, на пуговицах был двуглавый орел. Мне дали по счету белье. ... и так – вот я казенный человек»¹⁶³. Для лета предусматривались клетчатые панталоны и такие же жилеты. Форма одежды была классная, или будничная и парадная, или отпускная. Классная форма состояла из двубортного сюртука с красным воротником и темной выпушкой, и с гладкими позолоченными пуговицами. Парадную же форму составлял синий мундир с красным воротником, черною опушкой из золотого галуна петлицами и красными обшлагами с двумя пуговицами на каждом. Дополняла этот ансамбль синяя фуражка с красным околышем и черным лакированным козырьком¹⁶⁴. Надзиратели строго наблюдали, чтобы воспитанники носили одежду по всем правилам формы, держали ее всегда в порядке, чистоте и опрятности, а волосы имели гладко причесанными.

¹⁶¹ Соловьев Д.Н. Первое пятидесятилетие петербургской гимназии... С. 66.

¹⁶² Сборник распоряжений по МНП. Т 1. 1802-1834. С. 299-300.

¹⁶³ РО ИРЛИ РАН. Ф. 488. Оп. 1. Д. 82. Л.8 оборот - 9.

¹⁶⁴ Соловьев Д.Н. Первое пятидесятилетие петербургской гимназии.... С.75.

Таким образом, воспитанник Благородного пансиона при Санкт-Петербургском университете выгодно отличался от своего коллеги, обучающимся в БП Московского университета, ибо последний: «одевался в свое платье и носил, что хотел, кроме каникулярного времени, когда в лагере должны были одеваться в военные куртки с киверами»¹⁶⁵.

В воскресные и праздничные дни воспитанники с надзирателями посещали церковь, а на Страстной неделе ежегодно должны были «по долгу христианскому говеть и приобщаться святых тайн»¹⁶⁶. Кроме того, в праздничные и свободные от ученья дни, с разрешения инспектора, родители или другие родственники могли брать к себе пансионеров. Михаил Глинка вспоминал: «Я всегда находил способ в последний год пребывания в пансионе под предлогом болезни или каким другим гостить у дядюшек».¹⁶⁷

В часы досуга любимыми развлечениями пансионеров были игры: шахматы, кегли, разнообразные игры в мяч, зимой же катание с горы и на коньках. Нередкими были посещения Кунсткамеры, Литейного завода и Академии художеств.

Случались и конфликты среди пансионеров. Так, Николай Маркевич вспоминает свой первый день в БП, когда «какой-то черномазый, лет 13 мерзавчик»¹⁶⁸ несколько раз ущипнул его. В ответ мемуарист схватил обидчика за чуб, «мял, мял, мял, так чтобы затылок затрещал», а после этого толкнул с холма, на котором происходила сцена. Это событие привело в восторг всех воспитанников, а Маркевич сделался популярным. Ко всем собравшимся он обратился с речью: «Господа! Я рад быть в приязни со всеми добрыми товарищами. Если кто-то станет меня задевать, управлюсь сам, не жалуясь. Друзей стану защищать как самого себя. Но скажите, кто этот

¹⁶⁵ Пономарева В.В., Хорошилова Л.Б. Университетский благородный пансион... С. 148-149.

¹⁶⁶ Сборник распоряжений по МНП. Т 1. 1802-1834. С. 298.

¹⁶⁷ Глинка М.И. Записки. М., 1998. С. 22.

¹⁶⁸ Н.А.Маркевич писал свои воспоминания «о себя и для себя», не рассчитывая на их публикацию, поэтому позволял себе значительную вольность в выражениях.

Пумперникель? (обидчик – *Н.Д.*). Ведь он мне соврал фамилию»¹⁶⁹. Обидчиком оказался пансионер граф Ипполит Кутайсов. Зарисовка из «Воспоминаний» Маркевича ярко иллюстрирует взаимоотношения между пансионерами, давая понять, как важно было в первые дни обозначить свою позицию в коллективе. Кстати, после этого случая за Маркевичем закрепилась кличка «Медведь», а за Ипполитом Кутайсовым «Пумперникель».

¹⁶⁹ РО ИРЛИ РАН. Ф. 488. Оп. 1. Д. 82. Л. 6 об. -7.

Глава IV. Быт и нравы обитателей Благородного пансиона

§ 4.1. Дома и строения

Первоначально БП располагался отдельно от Главного педагогического института. Он находился на Фонтанке, ниже Калинкина моста в доме надворного советника Отто, у которого и был нанят за 1000 руб. в год. Уже в октябре 1817 г. пространство пансиона было расширено за счет найма правого флигеля дома, который до этого арендовал нарвский купец 1-й гильдии Гольм.¹⁷⁰

Воспитанник пансиона Михаил Глинка вспоминал, что две залы, назначенные для трапезы воспитанников (числом более 100 человек), были несколько узки, но длинные; столы ставились по направлению длины залы, так что от одного конца до противоположного расстояние было значительное.¹⁷¹ Николай Маркевич более детально описывает пансионный дом (см. Приложение 3). «Дом был двухэтажный, третий полуэтаж над ним мезонин (в котором жил В. Кюхельбекер) в 4 комнаты, в западные окна был виден Кронштадт. В нижнем этаже была ложа швейцара, лестницы конференцзала, главная столовая, буфет и несколько пустых комнат. На втором этаже залы рекреационная и рисовальная, инспекторский кабинет и классы. В полуэтаже библиотека и кабинеты. В зале рекреационной была ширма до потолка, она была поставлена вокруг печи. Там же размещался царский портрет во весь рост»¹⁷². К дому примыкала обширная территория, обнесенная высокой кирпичной стеной. Дом надворного советника Отто граничил с одной стороны, а с другой с пивоварней¹⁷³. Во дворе были, став к Фонтанке лицом, налево баня, направо кухни. Оба соединялись с главным корпусом полукруглыми коридорами. С обоих боков главного корпуса шли небольшие прямые коридоры к двум длинным двухэтажным флигелям. В левом были камеры т.е. дортуары 8 штук. Из них одна внизу 4 умывальни.

¹⁷⁰ Соловьев Д.Н. Первое пятидесятилетие петербургской гимназии... С. 52

¹⁷¹ Глинка М. И. Записки. С. 14.

¹⁷² РО ИРЛИ РАН. Ф. 488. Оп.1. Д. 82. Л. 7 об.

¹⁷³ Там же.

Были еще комнаты для слуг. В правом флигеле инспектор, кое-кто из профессоров, больница¹⁷⁴.

В таком положении пансион просуществовал до октября 1821 г., и именно из этого здания на Фонтанке вышли во взрослую жизнь первые выпускники БП СПУ. За свою 13-летнюю историю БП СПУ поступило 431 человек, а выпущено с окончанием полного курса 158¹⁷⁵.

С 1820 г. начинается подготовка к переезду в новое здание¹⁷⁶. В июне этого года на имя директора поступает предписание от министра духовных дел и народного просвещения князя А.Н. Голицына, в котором сообщалось о Высочайшем повелении Государственному заемному банку отпустить ссуду университетскому пансиону, для покупки земли и дома, в размере 220 000 рублей. В это же время по инициативе Д.П. Рунича создается Строительный комитет, который должен был осуществить масштабный проект перемещения всего университета к Семеновским казармам, и в ведении которого находится постройка и обустройство нового здания¹⁷⁷. В него вошли: директор Д.А. Кавелин, действительный статский советник Постников, генерал-майор Гордеев, чиновник особых поручений Краевский, инспектор пансиона Линдквист, и городской архитектор Макаров. 24 июня директором была совершена сделка с купцом Павлом Федоровичем Сыренковым по случаю покупки земли с постройками близ Семеновского полка¹⁷⁸. Работы продолжались чуть больше года и финансировались не только за счет полученной ссуды, но непосредственно из бюджета пансиона. Так, в журнале Правления имеется отношение из комитета о перестройке дома благородного

¹⁷⁴ Там же. Л. 8.

¹⁷⁵ Соловьев Д. Н. Первое пятидесятилетие петербургской гимназии. СПб., 1880. С. 88.

¹⁷⁶ См: Ендольцев Ю.А. Благородный пансион при Санкт-Петербургском университете // Санкт-Петербургский университет. 2007. №2. С. 30-31; Плетнёв П. А. Первое двадцатипятилетие Императорского университета. СПб., 1844.

¹⁷⁷ См: Санкт-Петербургский университет в первое столетие... С. СХХII-ССХХХVI.

¹⁷⁸ Там же. С. 54.

пансиона от 28 августа 1821 г. об отпуске 3848 р., нужных на разные постройки не вошедшие в общую смету, как то: «исправление каменной мостовой 1220 р., постройка 4 мостов через канаву к дому пансиона 608 р., 40к, постройка галереи для прохода из классов в спальни 695 р. 20 коп, постройка забора около черного двора 747 р., на постройку ворот на черном дворе 130 р. 20 коп, людского нужного места 287 р. 50 коп, помойную яму 159 рублей»¹⁷⁹. Однако уже в сентябре 1821 г. Благородный пансион занимал часть здания, предназначенного для университета, выходящего к Семеновскому полку. Но это было временное пристанище, так как для пансионеров было решено построить три отдельные двухэтажные здания, выходящее на Ивановскую улицу. Все три здания строились двухэтажными, в главном, располагавшемся посередине, именуемым «большим домом» располагался «публичный зал» и другие апартаменты, имевшие учебное назначение.¹⁸⁰ В двух флигелях помещались квартиры начальствующих лиц, в правом, выходящем на Загородный проспект, находилась квартира директора, а в левом – попечителя. Оба флигеля были соединены с «большим домом» коридорами. Кроме того, во дворе был построен еще один большой флигель, также соединенный с главным зданием стеклянной галерей, в которой помещались спальни воспитанников. В проекте была еще постройка бани, но идея так и осталась на бумаге. Во дворе располагался плац размером в $759 \frac{2}{3}$ квадратных саженьей. Постройки и переделки были закончены лишь к 1827 году.

Одновременно с постройкой жилых и учебных помещений началось и строительство собственной церкви Преображения Господня в зданиях, предназначавшихся для университета, а именно на углу 7 роты Семеновского полка и Кабинетной улицы. Церковь строилась исключительно на «добровольные приношения родителей воспитанников и других

¹⁷⁹ ЦГИА СПб. Ф. 67. Оп.1. Д. 3а, Л. 64.

¹⁸⁰ Соловьев Д.Н. Первое пятидесятилетие петербургской гимназии... С. 55.

благонамеренных особ».¹⁸¹ В короткий срок собрали 11000 рублей. Росписью церкви занимался академик императорской академии художеств Дмитрий Антонелли, позолотой – охтенский поселянин Лонгинов, материи для ризницы поставлял купец Лихачев, утварь приобретена из мастерской купца Яковлева. Все работы были завершены к сентябрю 1821 г., тогда же произошло и освящение храма. Для пения в церкви был создан хор из воспитанников пансиона, а после 1823 года хор состоял как из пансионеров, так и из универсантов.

В церкви постоянно служил иеромонах Герасим и дьяк, содержались служители храма за счет средств университетского пансиона¹⁸². Но при этом инспектор пансиона уведомлял о расходах на их содержание правление университета¹⁸³, которое и решало, из каких сумм отпускать деньги на содержание церкви и ее служителей.

При пансионе был учрежден лазарет, при котором находился врач, фельдшер и надзирательница. Первым доктором был лейб-медик Гаевский, проработавший 4 года. Ему на смену поступил Федор Иванович Вейсе выходец из купеческого звания Эстляндской губернии. В его формулярном списке сказано, что он обучался в Дерптском университете с 28 января 1811 г. Еще будучи студентом 3 курса, он исполнял должность врача в Риге будучи студентом, в продолжении трех месяцев участвовал в кампании в 1812 г., ибо как многие студенты-медики был мобилизован во время военных действий. 12 декабря 1814 г. за написание рассуждения на академический вопрос получил серебряную медаль. Окончил Дерптский университет с утверждением в степени доктора медицины 28 мая 1815 г. В этом же году Вейсе отправляется в четырехгодичное путешествие по Европе для усовершенствования своих познаний, посещает Германию, Англию, Голландию и Францию. После возвращения переехал в столицу и был

¹⁸¹ Там же. С. 58.

¹⁸² ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 815. Л. 11.

¹⁸³ Там же. Л. 7.

определен врачом при городской тюремной управе благочиния в Санкт-Петербурге. С 24 октября 1821 г. он определяется врачом в БП и Санкт-петербургскую гимназию. 12 августа 1824 г. произведен в надворные советники.¹⁸⁴

Впрочем, родители заболевших пансионеров могли забирать их домой на лечение или же приглашать собственного врача в пансионную больницу. В таком случае, Правление пансиона «не ответствовало за последствия врачевания и не принимало на себя издержек за лекарства».¹⁸⁵ Вплоть до 1830 г. лазарет находился в плачевном состоянии так как занимал одну комнату в самом пансионе между спальнями и классами. Далее он был перенесен в квартиру бухгалтера Колмакова, в которой с трудом помещалось 8 кроватей. Наиболее ярко неустроенность лазарета проявилась зимой 1829 г., когда медицинская помощь потребовалась сразу 13 воспитанникам. Поэтому уже в начале 1830 г. Хозяйственный комитет обратился к высшему начальству с ходатайством: «так как лазарет, помещающийся на другом дворе, кроме тесноты имеет еще одно то неудобство, что в зимнее время пища и все другие потребности для больных должны быть переносимы из пансиона по улице, а по отдаленности начальство не может иметь того бдительного надзора, каковой требуется для лазарета, то во избежание подобных обстоятельств на будущее время комитет признал нужным иметь в самом пансионе достаточное отдельное помещение для больницы и особое помещение для страждущих прилипчивыми болезнями на другом дворе».¹⁸⁶ Ходатайство было рассмотрено, и лазарет получил новое помещение в том же 1830 году.

Очень интересная деталь хозяйственной жизни БП – строительство деревянного флигеля для пансионных дядек в 1829 г.¹⁸⁷ Постройка производилась на заднем дворе БП, по смете, составленной архитектором

¹⁸⁴ ЦГИА СПб. Ф. 67. Оп. 1. Д.89. Л. 21 оборот- 22.

¹⁸⁵ Сборник постановлений по министерству народного просвещения. Т. 1. 1802-1825. Стлб. 300.

¹⁸⁶ Соловьев Д.Н. Первое пятидесятилетие петербургской гимназии... С. 61-62.

¹⁸⁷ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 263.

А.Ф. Щедриным. Первоначальная стоимость работ составила 7500 рублей, однако, впоследствии смета будет сокращена до 7000 рублей. В конце декабря архитектор представил в хозяйственный комитет ведомость о производстве работ по постройке деревянного флигеля на дворе дома БП для помощи служащим дядькам¹⁸⁸. Архитектор отчитался о поставке для этих работ материалов на сумму 6577 р 85 к. Также сообщал, что кроме штукатурки внутри стен, обшивки снаружи и покраски, предполагается произвести в начале будущей весны оставшиеся работы, для которых уже заготовлен материал, сии окончательные работы будут стоить 393 р 35 коп, а вся постройка флигеля обойдется 6971 р 20 к¹⁸⁹.

Если обратиться к хозяйственной стороне жизни пансиона, то здесь наиболее информативным источником может стать примерное исчисление расходов БП СПУ.¹⁹⁰ Все расходы можно разделить на несколько блоков: первый – это расходы на жалование администрации и преподавателям пансиона, второй – это расходы на содержание пансионного дома, третий – содержание пансионеров, и четвертый – на содержание служащих. Исходя из этих данных, можно сделать вывод, что самыми затратными пунктами бюджета пансиона была выплата жалования администрации и преподавателям, а также содержание пансионеров, меньше средств уходило на поддержания порядка в доме, и на жалование служащим.¹⁹¹

§ 4.2. «Семейный стиль» Благородного пансиона

Как правило, исследователи, раскрывающие деятельность какого-либо учебного заведения, подробно описывают его административное устройство, систему управления, финансовую сторону, учебную и внеучебную повседневность. Это позволяет представить разностороннюю картину функционирования учебного учреждения. Но за немногими исключениями

¹⁸⁸ Там же. Л. 4.

¹⁸⁹ Там же. Л. 4 оборот.

¹⁹⁰ Сборник распоряжений по МНП. Т 1. 1802-1834. С. 507

¹⁹¹ Там же.

университетские историки обходят вниманием положение служителей учебного заведения, не входящих в число преподавателей, основную массу которых составляли «университетские инвалиды» - швейцары, сторожа, трубочисты, истопники, а также комнатные надзиратели¹⁹². В нашем случае объектом внимания стали так сказать «маленькие люди» Благородного пансиона (и университета), чьи имена сохранились лишь в его внутреннем делопроизводстве, в составе фонда пансиона (ф. 67) в ЦГИА СПб¹⁹³.

Как правило, университетскими "инвалидами" становились отслужившие положенный срок нижние армейские чины, желающие или вынужденные продолжить службу по вольному найму. Одним из первых в делопроизводстве БП упомянут унтер-офицер Прыстов. 14 мая 1821 г. директор Пансиона д.с.с. Д. А. Кавелин определил отставного унтер-офицера Прыстова в число прислуги на должность швейцара с жалованием 120 руб. в год и с производством харчевых денег, равных с инвалидами БП по 8 рублей 50 копеек. В этой должности Прыстов находился до 7 сентября 1823 г., когда был переведен с другими инвалидами в университет, ибо Правление БП признало их излишними. После переезда университета в здание пансиона Прыстов, живя у общего входа, прислуживал родителям и родственникам воспитанников. Хозяйственный комитет БП ходатайствовал в Правление университета, о назначении Прыстову жалования в 120 рублей в год. 22 июня 1825 года правление университета удовлетворило ходатайство.¹⁹⁴

Зачастую университетские инвалиды служили в пансионе вместе с членами своих семейств и жили на территории пансиона, а жены университетских инвалидов «солдатки» также работали при БП¹⁹⁵. Тогда вся их жизнь становилась неотъемлемой частью жизни Пансиона, а пансион брал

¹⁹² Вишленкова Е.А., Малышева С.Ю., Сальникова А.А. Terra universitatis. Два века университетской культуры в Казани. Казань:, Каз.гос.ун-т, 2005.

¹⁹³ ЦГИА СПб. Ф. 67. Оп. 1, Д. 44: Об определении и увольнении инвалидов.

¹⁹⁴ ЦГИА СПб. Ф. 67. Оп. 1. Д. 44. Л.6 - 6 об.

¹⁹⁵ Вишленкова Е.А., Малышева С.Ю., Сальникова А.А. Terra universitatis.. С. 117.

ответственность и за семейства служителей. В 1827 г. для контроля за эпидемиологической обстановкой в учебном заведении был составлен список женатых инвалидов, находящихся при Пансионе. Все они были разделены экономом Басовым на две категории: бездетных и тех, чьи дети оспой не болели. К первой были отнесены Сидор Иванов с супругой Авдотьей, Корней и Аграфена Нестеровы, Иван Ершов (не выслуживший к тому моменту положенного срока, принятый службу 18 декабря 1815 г.¹⁹⁶) и его жена Анна. Ко вторым – Быстучинов Иван Андреевич, его жена Катерина и двое сыновей: Петр, двух лет и Иван, трех месяцев; Игнатий Ларионов с женой Домной и сыном Петром, двух лет; Прохор Глыдусов с женой Татьяной и дочерью Анной, двух лет; Терентий Смирнов с женой Феодосьей и дочерью Катериной, шести месяцев.¹⁹⁷

Характерно, что возраст детей "инвалидов" не превышает трех лет, на этом основании можно заключить, что социальное положение университетских инвалидов находилось на таком уровне, при котором они могли содержать не только себя, но и свою семью. И, видимо, они заводили семью уже выйдя в отставку (или будучи уволенными из строевых частей по здоровью) - когда поступали на службу в университет (пансион). Таким образом, и на членов семей служителей распространялась административно-хозяйственная компетенция БП.

Имеющиеся архивные материалы позволяют воссоздать историю целой семьи служителей пансиона из числа инвалидов, что, несомненно, очень важно для описания «семейного стиля» БП. 16 января 1827 г. у служителя пансиона инвалида Ивана Андреева родился сын Иван, о чем докладывал в хозяйственный комитет эконому Басову.¹⁹⁸ Уже 13 апреля 1827 г. Хозяйственный комитет БП ходатайствовал в Правление университета о назначении пайка малолетнему сыну инвалида Андреева. Правление в свою очередь

¹⁹⁶ ЦГИА СПб. Ф. 67. Оп 1. Д. 44. Л. 22.

¹⁹⁷ Там же. Л. 12.

¹⁹⁸ Там же. Л.14.

уведомляло, что Санкт-Петербургское военно-сиротское отделение причисляет сына инвалида Андреева к канонирам (или кантонистам) армейского ведомства с оставлением его до 10 лет при родителях в Санкт-Петербурге. Кроме того, определено «довольствоваться его половинною дачею провианта с 16 мая». Хозяйственному комитету надлежало сообщить об этом инвалиду Андрееву с тем, чтобы он явился в батальон канониров для получения направления. Ходатайство «пошло по инстанции» из Правления университета в Департамент народного просвещения, а оттуда в министерство, на стол к адмиралу А.С. Шишкову, "засоряя" министерское делопроизводство проблемой пайка для малолетнего Андреева, министр «предписывает сделать надлежащее распоряжение, дабы впредь подведомственные университету лица, о подобных сему делах относились непосредственно от себя в военно-сиротское отделение»¹⁹⁹.

Увы, в декабре того же, 1827 г., эконоом БП доложил в Правление университета, что сын инвалида Андреева 11 декабря 1827 г. скончался.²⁰⁰ Можно предположить, что в университете была определенная квота на инвалидов, служба которых распределялась между зданиями и подразделениями университета, включая БП. В списке 1826 года о лицах, получивших памятные медали в честь взятия Парижа упомянуты все «ветераны университета», среди которых Иван Брюзгалов²⁰¹, числившийся в пансионных инвалидах.

Об облике и повседневной жизни университетских инвалидов можно судить по тем прошениям и рапортам, которые они подавали через эконома пансиона в Правление университета. Так, в 1822 г. эконоом Крапцов ходатайствует о том, что «состоящий при оном пансионе инвалид Терентий Смирнов просит об увольнении его в домовый отпуск для свидания с

¹⁹⁹ Там же. Л.17.

²⁰⁰ Там же. Л.19.

²⁰¹ Жуковская Т.Н. Между Марсом и Минервой: война, военная служба и универсанты в первой половине XIX века // Диалог со временем. 2009. №29. С. 299.

родителями»²⁰². Смирнов 10 мая 1822 г. получает документ, удостоверяющий личность — билет, в котором говорится о том, что инвалид Терентий Смирнов отпущен в Ярославскую губернию Пошехонский уезд в деревню Матьеву для свидания с родственниками сроком от нижеписанного числа впредь на 3 месяца. Этот документ ценен тем, что в нем приводится возраст и дается описание внешности инвалида Терентия Смирнова: «росту двух аршин шести вершков, волосы на голове тёмно-русые, нос прямой, глаза карие, бороду бреет, от роду 29 лет. По прибытии на родину Смирнов обязан был явиться к местным властям с этим билетом и встать на учет. Он так и поступил, поскольку документ, удостоверяющий личность, подписан волостным старостой Яковом Михайловым²⁰³.

Аналогичный рапорт подает университетский инвалид Иван Подосенков в 1827 г.²⁰⁴. Он также получает билет, в котором сообщается, что рядовой Иван Подосенков отпущен в Вологодскую губернию Тотемский уезд в волость Ромашевскую для свидания с родственниками сроком на 4 месяца. По установленному порядку сообщается и внешность: росту два аршина и три восьмых вершка, лицом чист, бороду бреет, глаза карие, волосы темно-русые, от роду 38 лет²⁰⁵.

Практика отпусков применялась не только к самим университетским инвалидам, но и к их семьям. В частности, жена служащего при БП инвалида Николая Харапчина, Акси́нья Семеновна с шестилетней дочерью Еленой, отправилась с ведома начальства в Ярославскую губернию сроком на 4 месяца.²⁰⁶

Еще один пассаж из жизни университетских инвалидов отражает взаимодействие университета с военным ведомством и связан с проступком

²⁰² ЦГИА СПб. Ф.67. Оп 1. Д. 15. Л.5.

²⁰³ ЦГИА СПб. Ф.67. Оп 1. Д.15. Л.6.

²⁰⁴ ЦГИА СПб. Ф.67. Оп 1. Д.44. Л.23.

²⁰⁵ Там же. Л.24.

²⁰⁶ ЦГИА СПб. Ф.67. Оп 1. Д.15. Л.19.

инвалида Якова Должникова. 6 мая 1822 г. эконо́м Крапцов докладывал в Инспекторский департамент Главного штаба, что Яков Должников занимается пьянством и не исполняет своей должности, за что был оштрафован, но не исправился. Крапцов характеризует Должникова как неблагонадежного и предлагает отослать в военное ведомство, а на его места взять другого, более подходящего.²⁰⁷ 18 мая 1822 г. в Правление поступает ответ. Инспекторский департамент просит приказать инвалида Якова Должникова за пьянство и невыполнение своей должности выключить из университета и сдать с формулярным списком и аттестацией на основании общих правил для опороченных нижних чинов, и о назначении же на место его другого доброго поведения²⁰⁸.

А уже 26 мая 1822 г. департамент сообщает, что командир отдельного корпуса внутренней стражи, генерал-адъютант Комаровский приказал выбрать из этого корпуса одного рядового хорошего поведения и отправить одного для определения в служители²⁰⁹.

Поскольку за плечами многих инвалидов были военные действия, то некоторых из них награждали памятными медалями. Например, медаль в память о событиях 1814 г. и взятии Парижа. Предписывалось носить эти медали так, «чтобы голубая полоса ленты была с правой стороны, что все прочие чины к сей медали, представленные исключены из списков как не имеющие права получения оных по правилам».²¹⁰ В 1827 г. памятную медаль вручили инвалиду Ивану Брызгалову.²¹¹

Среди материалов, касающихся университетских инвалидов, встречаются документы, говорящие о том, что инвалидная среда не была однородной. Так, 11 ноября 1822 г. в Правление БП поступила бумага от

²⁰⁷ Там же. Л.10.

²⁰⁸ Там же. Л.12.

²⁰⁹ Там же. Л.13.

²¹⁰ ЦГИА СПб. Ф.67. Оп 1. Д 44. Л.29.

²¹¹ Там же. Л.30.

исполняющего обязанности попечителя учебного округа, удовлетворяющая прошение об увольнении за выслугой лет, находящегося при пансионе инвалида Егора Михайлова, и отклоняющая увольнение от службы другого инвалида Дениса Кожухова за неистечением срока службы²¹². В 1827 г. в правление отсылается список инвалидов, не выслуживших узаконенные 25 лет.²¹³

В стенах Пансиона жизнь инвалидов часто и заканчивалась. Эконом Крапцов докладывал в правление, что 31 мая 1822 г. инвалид Федор Герасимов умер²¹⁴. Из средств пансиона, вероятно, выделялись небольшие деньги в помощь семье и на погребение.

Резюмируя, надо сказать, что социальное положение университетских инвалидов было неплохим, они имели возможность получить длительный отпуск, через Правление университета «хлопотать» о судьбе своих детей. В то же время, к претендентам предъявлялись строгие требования: беспорочное поведение, добрый нрав, отсутствие вредных привычек. Остается открытым вопрос о правовом положении инвалидов. В историографии принято считать, что ими становились уже отслужившие положенный срок нижние чины, но в делопроизводстве встречаются документы, говорящие о том, что в пансионе в правах инвалидов состояли те, кто не отслужил положенных 25 лет или же дослуживал до этого срока, находясь непосредственно в Пансионе. Таким образом, получается, что университетские инвалиды – это и солдаты, переведенные в университет из корпуса внутренней стражи, которые все еще считались на действительной службе, но не могли больше находиться в строевых частях, дослуживая положенный срок при университете, - и те, кто уже вышел в отставку, но по каким - либо причинам должен был продолжать службу по вольному найму.

²¹² ЦГИА СПб. Ф.67. Оп 1. Д. 15. Л.15.

²¹³ ЦГИА СПб. Ф.67. Оп 1. Д. 44. Л. 22.

²¹⁴ ЦГИА СПб. Ф.67. Оп 1. Д. 15. Л.13.

Еще одна категория "маленьких людей" университетского пансиона - комнатные надзиратели. В делопроизводственных документах их число варьировалось от 4 до 7 человек. В первоначальном штате, составленном для БП, значится 7 комнатных надзирателей, с годовым жалованием 700 руб²¹⁵. В ведомости о состоянии БП за 1824 г. значится 4 комнатных надзирателя с годовым жалованием 1000 рублей²¹⁶. А в отчете по Санкт-Петербургскому университету и его округу за 1826 г. значится уже 6 надзирателей с годовым жалованием 1000 рублей.²¹⁷ Их обязанностью был непосредственный надзор за ходом обучения и поведением воспитанников.

В инструкции комнатным надзирателям ЦС БП, утвержденной в 1815 г., сказано, что: 1. Надзиратель подает пример воспитанникам в «добронравии, трудолюбии, опрятности, благоприветливости, и вообще в строгом наблюдении порядка»; 2. Дежурный надзиратель ночует в спальнях воспитанников, ночью ходит по спальням, наблюдая за «чистотой и исправностью» воспитанников; 2. Комнатные и дежурные надзиратели ежедневно предоставляют директору пансиона или его помощнику ведомости о всем, что произошло в классах и комнатах».²¹⁸ Можно предположить, что подобные требования распространялись и на БП ГПИ-СПУ.

Еще одна категория служителей – гувернеры. Здесь есть одна интересная особенность. Во-первых, гувернеров в БП набирали из числа студентов университета. С.В. Рождественский приводит составленный Д.П. Руничем список казеннокоштных студентов СПУ, по представлению директора, утвержденному попечителем, которых следует "изъять из университета" для определения в гувернеры. Этот документ относится к времени "разбора" студентов 1821-1822 г., когда те из них, кто завершал обучение были срочно выпущены с аттестатами, а признанные неспособными исключены. В списке

²¹⁵ Соловьев Д.Н. Первое пятидесятилетие петербургской гимназии... С. 28

²¹⁶ Санкт-Петербургский университет в первое столетие... Материалы... С. 592-593.

²¹⁷ Там же. С. 458-459.

²¹⁸ Егоров А.Д. Императорский Александровский (бывший Царскосельский) лицей... С.113.

Рунича числятся студенты историко-филологического факультета Кречетов, "показавший в российской словесности хорошие, в латинской - хорошие, статистике и греческом языке посредственные" успехи. Во всеобщей истории он "не оказал сведений, в российской истории, немецком и французском языке не держал экзамена", Конференция СПУ признала его по познаниям достойным звания старшего учителя гимназии. В списке кандидатов в гувернеры также - Соловьев Сергей с "очень хорошими" познаниями в российской словесности, хорошими в латинском и статистике, во всеобщей истории – посредственными. В Законе божием, российской истории, немецком, французском языках Соловьев экзамена не держал. Конференция признала его достойным звания младшего учителя гимназии. Студент Некрасов показал в российской словесности очень хорошие, в статистике хорошие, во всеобщей истории и латыни - посредственные знания. В законе Божием, российской истории, греческом, немецком, французском языках не держал экзамена. Конференция признала его достойным звания уездного училища.²¹⁹

Директор ЦС Е.А. Энгельгардт, в письме к воспитаннику Лицея А. Есакову писал о своем воспитаннике, принятом в БП: «Кюхельбекер живет как сыр в масле; он преподает русскую словесность в меньших классах вновь учрежденного благородного пансиона при Педагогическом институте и читает восьмилетним детям свои гекзаметры; притом исправляет он должность гувернера; притом воспитывает он Мишу Глинку (лентяй, но очень способный к музыке мальчик) и еще двух других; притом читает он французскую газету «Conservateur Impartial»; притом присутствует очень прилежно в Обществе любителей словесности и при всем этом еще в каждом почти номере «Сына Отечества» срабатывает целую кучу гекзаметров. Кто бы подумал, когда он у нас в пруде тонул, что его на все это станет».

²¹⁹

Санкт-Петербургский университет в первое столетие... Т. 1. С.309.

Николай Маркевич пишет, что «Кюхельбекер поселился в бельведере (небольшом мезонине из четырех комнат) с видом на Кронштадт²²⁰, т.е. непосредственно при пансионе, совместно со своим родственником М. Глинкой и его двоюродными братьями». Однако Маркевич не упоминает о том, что Кюхельбекер исполнял еще и должность гувернера. Возможно, это объясняется тем, что для мемуариста, влюбленного в своего учителя, этот факт не представлял особой значимости. Хотя совмещение должности преподавателя и гувернера было обычной практикой для того времени.

Глава V. Преобразование в гимназию

Идея преобразования Благородных пансионов в гимназии начала обсуждаться еще в первой половине 1820-х гг. Был поставлен вопрос о несоответствии их высоких привилегий и статуса уровню предоставляемого ими образования. В это же время начинаются ревизии университетов с целью усиления их "воспитательной" роли, искоренения "вольнодумства", усиления администрации.

Для БП СПУ начало 1820-х гг. ознаменовалось печальными событиями. В начале января в пансионе произошли беспорядки. Вот как трактует это событие директор пансиона Кавелин в записке попечителю учебного округа Уварову от 20 января 1821 г.: «Третьего дня я доносил Вашему Превосходительству словесно о неприятном происшествии, случившемся в 3 классе Университетского пансиона, который, предположив принудить переменить в нем учителя Пенинского, два раза погасил в нем свечи, производил шум и другие непристойности, и что начинавшего пансионера Пушкина и участвовавшего более других, замеченного с нехорошей стороны в прочих случаях, Верховского я выслал из пансиона. Вчера по утру нашел я в классе сем между некоторыми нераскаянность в сем поступке их и принужден был некоторых наказать; сие возбудило некоторый ропот в их товарищах, но он тотчас прекратился, когда я изъяснил им горестные последствия всеобщего неповиновения; все единодушно они стали просить прощения, а себя и за шалунов 3 класса и торжественно обещали общими стараниями отводить друг друга от подобного забвения. На сем условии я простил 3 класс и, подтвердив им, что первый непристойный поступок их не ограничится домашним наказанием, подтвердил и всем чиновникам пансиона о внушении им сего опасения и наблюдении строгом за тишиной и порядком пансиона».²²¹

Это событие всколыхнуло не только жизнь пансиона и университета, но и жизнь всей столицы. Некоторые современники полагали, что всему виной

²²¹

Санкт-Петербургский университет в первое столетие... С. 131.

«беспечность и незнание начальствующих», которые привели к «чрезвычайным беспорядкам и безобразиям во всех отношениях», когда из 100 воспитанников двое за дурное поведение было исключено²²². Но оно и послужило поводом для начала реформирования пансиона. Из предписания министра духовных дел и народного просвещения А.Н. Голицына попечителю учебного округа С.С. Уварову: «Долгом считаю изъяснить, что беспорядок сей не может быть почитаем временным токмо и нечаянным, но ясно доказывает слабое управление начальства в сем заведении, допустившего укорениться толь вредному духу между воспитанниками, который наконец обнаружился в явном буйственном поступке, и потому я считаю обязанностию обратить ближайшее внимание Ваше на сей пансион, с тем, чтобы вы поставили на вид начальству его недостаточное учреждение порядка в присмотре за воспитанниками, или допущение каких либо других поводов к укоренению духа своевольтва и неповиновения. Для прекращения сего надлежит Вам самим, обще с г. Директором означенного пансиона, заняться исследованием точных причин к сим беспорядкам, дабы можно было немедленно их прекратить, и придумать какой-либо иной распорядок в надзоре и управлении воспитанниками, умножением числа надзирателей или другим образом.

Посему покорнейше прошу вас, М. Г. мой, о том, что Вами вместе с Директором пансиона изыскано будет по упомянутому обстоятельству к объяснению его и принятию лучших и надежнейших средств в управлении пансиона, представить мне в непродолжительном времени.

Инспектору же пансиона Линдквисту, обнаружившему при сем случае слабость, с какою исправляет он возложенную на него должность, препоручаю сделать строгий выговор».

Уже 2 марта Уваров отдает распоряжения по пансиону в связи с происшедшими в нем беспорядками. В частности, предлагалось увеличить количество гувернеров с 5 до 10, и ограничить «беспрестанное сношение

²²² Пономарева В.В., Хорошилова Л.Б. Университетский благородный пансион... С. 351.

детей с родителями и еженедельные отпуска из пансиона воспитанников не только к родителям, но даже к родственникам их", которые, "есть без сомнения изобильный источник беспорядка". Кроме того, предлагалось отпускать пансионеров домой не чаще 2 раз в неделю, и при условии отличного поведения. Эти меры были утверждены А.Н. Голицыным.

В 1821 г. из числа окончивших казеннокоштных студентов Санкт-Петербургского университета были выбраны трое, назначенные гувернерами: С. Соловьев, Некрасов и Кречетов.

Поворотной точкой в решении о преобразовании БП в гимназию явилось восстание 14 декабря 1825 г., став своеобразным водоразделом между «александровской» и «николаевской» эпохой. В манифесте 13 июля 1826 г., объявлявшем в общее сведение приговор над декабристами, правительство обращало внимание родителей на необходимость «нравственного воспитания детей». Реформа образования представлялась Николаю I первым и самым действенным средством для отрезвления общества от «дерзновенных мечтаний».²²³

Рескриптом от 14 мая 1826 г. создавался особый Комитет устройства учебных заведений, целью которого было «без всякого отлагательства ввести единообразие в учебную систему, дабы уже за совершением сего, воспретить всякие произвольные преподавания учений по произвольным книгам и тетрадям».²²⁴

Политика Николая I в области просвещения, как можно видеть из рескрипта, характеризовалась с одной стороны, стремлением создать четкую учебную систему, а с другой – строгим правительственным контролем за духом и направлением образования.²²⁵ В школьном уставе 1828 г. был отражен взгляд на среднее образование, которому предстояло стать по настоящему сословным и законченным. Высшее же образование, благодаря

²²³ Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 2. С. 322.

²²⁴ Там же.

²²⁵ Полиевктов М.А. Николай I: биография и обзор царствования... С. 237.

факультетскому устройству университетов, все более специализировалось²²⁶ То есть та образовательная ниша, которая была установлена «Положением» для БП оказалась несоответствующим новым задачам в области просвещения.

Различая между кандидатом университета и молодым человеком, окончившим курс в БП были весьма существенные, первый оказывался вполне достойным быть учителем последнего, едва как последний едва мог оказаться способным слушателем его лекций.²²⁷ Притом последний становился в лестнице чинов выше кандидата университета. В учебном деле БП все более проявлялись существенные недостатки. Так, греческий язык было решено исключить из программы учебного курса из-за неудовлетворительных успехов учеников. В 1828 г. профессор университета Д.С. Чижов инспектировал в пансионе экзамен по математике. Докладывая начальству о результатах, он сообщил, что из 21 воспитанника "один только оказал весьма хорошие, двое довольно хорошие, и двое – слабые успехи; все же прочие или совершенно ничего, или почти ничего не знали"²²⁸ Возможно, такое упущение учебного процесса связано с тем, что Правление БП, а потом и хозяйственный комитет, были слишком заняты материальной стороной его деятельности, т. к. только к началу 1828 г. закончились все работы, связанные с перемещением пансиона в собственное здание.

Такое положение дел в БП, без сомнения, служило для правительства достаточным основанием для того, чтобы реорганизовать это учебное заведение. Но не известно, было бы принято такое решение, если бы не новые "проявления нравственной распущенности, которые, хотя и носили характер печальной случайности и незаслуженно омрачили добрую славу пансиона, тем не менее не могли не подать справедливого повода к мерам строгости исключительной". В 1829 г. воспитанники Благородного пансиона Алексеев, Щулепников, Мачульский и два брата Булацелли, во Высочайшему

²²⁶ Соловьев Д.Н. Первое пятидесятилетие петербургской гимназии... С. 89.

²²⁷ Там же.

²²⁸ Там же. Стр. 90.

повелению были подвергнуты строжайшему наказанию – исключению из пансиона.²²⁹

Судьба этого учебного заведения была уже решена. 1829-1830 академический год стоит считать последним годом Благородного пансиона при Санкт-Петербургском Императорском университете.

29 марта 1830 г. было издано постановление о преобразовании Благородных пансионов Санкт-Петербургского и Московского университетов в гимназии.²³⁰ В документе говорилось: «Желая систему народного просвещения в государстве нашем поставить на твердых и единообразных правилах, и находя, что существование Благородных пансионов при Санкт-Петербургском и Московском университетах, в нынешнем их составе и с дарованными им в 1818 году правами и преимуществами, несовместно с новым порядком вещей и причиняет вред основательному учению благородного юношества в университетах повелеваем: означенные пансионы преобразовать в гимназии, по Высочайше утвержденному Нами в 8-й день декабря 1828 года уставу, на следующем основании: 1) Нынешние права и преимущества Благородных пансионов при Санкт-Петербургском и Московском университетах оставить в своей силе относительно к тем воспитанникам, которые, находясь уже по сие время в помянутых заведениях, окончат с успехом курс преподаваемых в них наук. 2) По мере выпуска сих воспитанников, вводить в те пансионы устройство по уставу гимназий, при чем принимаемым вновь ученикам и воспитанникам не предоставлять других прав, кроме тех, кои дарован сим уставом».

На этом закончилась тринадцатилетняя история Благородного пансиона при Санкт-Петербургском университете. За все время существования в него поступил 431 человек, выпущено с окончанием полного курса 158, дальнейшая жизнь и карьера которых может служить ярким примером того, что пансион справился со своей задачей по подготовке новой элиты. Среди

²²⁹ Там же. Стр. 92.

²³⁰ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т.2 : Царствование императора Николая I. 1825-1855 г. Спб., 1875, Стлб. 349-350.

известных пансионеров можно назвать видных государственных чиновников Платона Демьяновича Илличевского, бывшего товарищем министра юстиции, Григория Павловича Небольсина товарища министра финансов и члена Государственного совета, Николая Романовича Ребиндера попечителя Киевского и Одесского учебного округов, затем директора департамента народного просвещения, князя Н.Е Мышецкого – новгородского губернатора, ген.-лейт. М.С Шилова ставшего директором Оренбургского Неплюевского корпуса, ген.-адъютанта В.В. Зинивьева, гофмаршала двора Александра III, а также деятелей культуры К.П. Масальского, А.И. Подолинского, А.Н. Струговщикова, литературного критика А.И. Панаева, композитора М.И. Глинку, Н. А. Маркевича, Л.С. Пушкина.

Заключение

Предлагая выводы, ставшие итогом проделанного исследования, необходимо еще раз подчеркнуть его особенности, связанные с состоянием источников по истории БП СПУ. Зачастую мы вынуждены были использовать метод исторической реконструкции, обращаясь к материалу по аналогичным или близким БП СПУ учреждениям из-за того, что его собственный архив оказался крайне разрознен и фрагментарен. Метод реконструкции позволил отчасти заполнить исторические лакуны, но многие вопросы так и остались открытыми. К примеру, остается открытым вопрос о программах обучения и учебном плане, причинах закрытия БП, о том, какое количество пансионеров воспользовалось правом продолжать учение в университете. Чтобы ответить на них, необходимы более масштабные разыскания в архивах С.-Петербургского университета, и Министерства народного просвещения.

В ходе работы было установлено следующее:

Открытие БП ГПИ было обусловлено, во-первых, потребностью государства в квалифицированных кадрах, а с другой стороны, желанием самого дворянства получить образование. Наименование «Благородный пансион» было заимствовано от БП МУ, т.к. само по себе пользовалось привлекательностью для дворянства. Закрытие же университетских пансионов в 1830 г. было связано с реформированием системы образования, нацеленным на ее унификацию. В новой системе БП представляли собой архаичный пережиток XVIII века, когда система прав и привилегий, обеспеченных воспитанникам, не соответствовала уровню их знаний.

К моменту учреждения БП ГПИ в России уже существовала система учебных заведений «особого типа» (лицеев), сочетавших в себе гимназический и университетские курсы, а также дававших права выше тех, что мог получить выпускник университета. Вопреки встречающейся в литературе точке зрения, сближающей благородные пансионы при университетах с учебными заведениями «особого типа», нам представляется,

что БП стояли ближе к университетам, поскольку их выпускники получали чин равный с университетским, либо выше. На основании анализа списков выпускников БП СПУ нами было установлено, что по окончании подавляющее большинство их получало чин XII класса по Табели о рангах.

Что касается преподавательского состава, то в старших классах БП преподавали университетские профессора, а в низших – учителя, которые зачастую рекрутировались из студентов СПУ. Как правило, недавние студенты совмещали должность гувернера с должностью преподавателя. Кроме того, для преподавания в БП приглашались и именитые учителя. Например, фехтование преподавал Иван Ефимович Сивербрик, известный в Петербурге фейхтмейстер. Преподаванием иностранных языков, особенно в низших классах, занимались иностранные подданные, которые по тем или иным причинам оказались в России и были вынуждены служить. Для первой четверти XIX в. такая практика была достаточно распространена, учителей-иностранцев сюжеты можно встретить и в других учебных заведениях того времени. Отношения между воспитанниками и преподавателями строились по-разному, однако университетская иерархия здесь существенно корректировалась тем, что пансионер-дворянин сохранял чувство социального превосходства перед преподавателем (зачастую выходцем из духовного звания). Недовольство преподавателем могло перерасти в беспорядки и повлечь за собой ответные репрессивные меры.

Также в ходе работы была установлена тесная связь между БП и СПУ как в кадровом отношении: многие профессора СПУ совмещали должность университетского профессора с должностью преподавателя БП, а также в экономических и хозяйственных вопросах.

Список источников и литературы

Опубликованные источники:

1. Воронов А.С. Историко-статистическое обозрение учебных заведений С.-Петербургского учебного округа с 1715 по 1828 год включительно. СПб., Типография Якова Трея, 1849. 293 с.
2. Глинка М. И. Записки. М., 1998.
3. Греч Н. И. Записки о моей жизни. СПб.: Издание А.С. Суворина. 1886
4. Панаев И. И. Литературные воспоминания. М., 1988
5. Санкт-Петербургский университет в первое столетие его деятельности. 1819—1919: Материалы по истории С.-Петербургского университета. Собр. и изд. И. Л. Маяковский и А. С. Николаев; Под ред. С. В. Рождественского. Пг.: 2-ая Государственная типография, 1919. Т.1. 1819-1835. 760 с.
6. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т.1: Царствование императора Александра I. 1802-1825 г. СПб, 1875.
7. Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. Т. 1. 1802-1834. Спб., 1866.
8. Толмачев Я.В. Автобиографическая записка // Русская старина. 1892. Т. 75. С. 719 – 725.
9. Декабрист Н.И. Тургенев. Письма к брату С.И. Тургеневу. 1811-1824. М.-Л., 1936. 587 с.

Неопубликованные источники:

1. РО ИРЛИ РАН. Ф. 488. Николай Андреевич Маркевич. Оп.1. Д. 37. Журнал. Записки и воспоминания за 1817 – 1852 гг.

2. РО ИРЛИ РАН. Ф. 488. Николай Андреевич Маркевич. Оп.1. Д. 40. Материалы к запискам. Путевые журналы, отчеты, счета, афиши, визитные карточки.
3. РО ИРЛИ РАН. Ф. 488. Николай Андреевич Маркевич. Оп.1. Д. 48. Записки, отметки, корреспонденция, из денежных счетов, из отдельных листов, отдельные происшествия, анекдоты с 1820 года.
4. РО ИРЛИ РАН. Ф. 488. Николай Андреевич Маркевич. Оп.1. Д. 82. 40-е – 50-е XIX века. Маркевич Н.А. Записки Н. А. Маркевича 1817-1820 гг.
5. ЦГИА СПб. Ф. 13. Санкт-Петербургский главный педагогический институт (1890-1916). Оп.1. Главный педагогический институт (1804-1859) Д. 1842. Об экзаменовании Ивана Пеннинского.
6. ЦГИА СПб. Ф. 13. Санкт-Петербургский главный педагогический институт (1890-1916). Оп. 1. Главный педагогический институт (1804-1859) Д. 1962. О наборе для обучения в институте воспитанников младшего и среднего возраста, журнал записи лекций для поступающих в пансион института.
7. ЦГИА СПб. Ф. 14. Императорский Петроградский университет. Оп. 1. Дела Совета (1819-1916). Д. 408. О доставлении курса преподаваемых наук в пансионе господину попечителю округа для рассмотрения.
8. ЦГИА СПб. Ф. 14. Императорский Петроградский университет. Оп. 2. Дела Совета (1825-1899). Д. 40. Об увольнении учителя благородного пансиона Морозова от преподавания арифметики и географии.
9. ЦГИА СПб. Ф. 14. Императорский Петроградский университет. Оп. 3. Дела правления и правления по хозяйственному столу. Личные дела студентов за 1831, 1870-1916 гг. Д. 128. О прикомандировании профессора Толмачева к исполнению должности инспектора Благородного пансиона.

10. ЦГИА СПб. Ф. 14. Императорский Петроградский университет. Оп. 3. Дела правления и правления по хозяйственному столу. Личные дела студентов за 1831, 1870-1916 гг. Д. 311. Формулярные списки о службе чиновников Правления университета; Цензурного комитета одно донесение, благородного пансиона университетского.
11. ЦГИА СПб. Ф. 14. Императорский Петроградский университет. Оп. 3. Дела правления и правления по хозяйственному столу. Личные дела студентов за 1831, 1870-1916 гг. Д. 554. О вытребовании из Благородного университетского пансиона денег, выданных взаимобразно.
12. ЦГИА СПб. Ф. 14. Императорский Петроградский университет. Оп. 3. Дела правления и правления по хозяйственному столу. Личные дела студентов за 1831, 1870-1916 гг. Д. 615. О перемене в Благородном пансионе Правления в Хозяйственный Комитет.
13. ЦГИА СПб. Ф. 14. Императорский Петроградский университет. Оп. 3. Дела правления и правления по хозяйственному столу. Личные дела студентов за 1831, 1870-1916 гг. Д. 815. О доставлении денег в хозяйственный комитет Благородного университетского пансиона.
14. ЦГИА СПб. Ф. 14. Императорский Петроградский университет. Оп. 3. Дела правления и правления по хозяйственному столу. Личные дела студентов за 1831, 1870-1916 гг. Д. 816. Об ассигновании суммы на содержание в Благородном университетском пансионе пансионера Рубца.
15. ЦГИА СПб. Ф. 14. Императорский Петроградский университет. Оп. 1. Дела Совета (1819-1916). Д. 982. Об исполнении предписания министра народного просвещения о приеме воспитанников в благородный пансион и раздаче аттестатов воспитанникам, кончившим курс в Пансионе.
16. ЦГИА СПб. Ф. 67. Благородный пансион при Императорском Петербургском университете (1817-1830). Оп. 1. Д. 3^а. Журнал правления.

17. ЦГИА СПб. Ф. 67. Благородный пансион при Императорском Петербургском университете (1817-1830). Оп. 1. Д. 4. Распоряжение Департамента народного просвещения.
18. ЦГИА СПб. Ф. 67. Благородный пансион при Императорском Петербургском университете (1817-1830). Оп. 1. Д. 12. О планах постройки дома пансиона.
19. ЦГИА СПб. Ф. 67. Благородный пансион при Императорском Петербургском университете (1817-1830). Оп. 1. Д. 14. О помещении объявлений в Петербургских ведомостях.
20. ЦГИА СПб. Ф. 67. Благородный пансион при Императорском Петербургском университете (1817-1830). Оп. 1. Д. 15. Об определении и увольнении инвалидов.
21. ЦГИА СПб. Ф. 67. Благородный пансион при Императорском Петербургском университете (1817-1830). Оп. 1. Д. 32. Ведомость о чиновниках и преподавателях пансиона.
22. ЦГИА СПб. Ф. 67. Благородный пансион при Императорском Петербургском университете (1817-1830). Оп. 1. Д. 43. О найме квартир для чиновников и преподавателей.
23. ЦГИА СПб. Ф. 67. Благородный пансион при Императорском Петербургском университете (1817-1830). Оп. 1. Д. 44. Об определении и увольнении инвалидов.
24. ЦГИА СПб. Ф. 67. Благородный пансион при Императорском Петербургском университете (1817-1830). Оп. 1. Д. 66. Переписка по канцелярии пансионата.
25. ЦГИА СПб. Ф. 67. Благородный пансион при Императорском Петербургском университете (1817-1830). Оп. 1. Д. 86. О преобразовании в гимназию.

26. ЦГИА СПб. Ф. 67. Благородный пансион при Императорском Петербургском университете (1817-1830). Оп. 1. Д. 88. О распределении по учебным заведениям воспитанников упраздненного Царскосельского пансиона за исключением Демидова.
27. ЦГИА СПб. Ф. 67. Благородный пансион при Императорском Петербургском университете (1817-1830). Оп. 1. Д. 89. Послужные списки чиновников пансионата.
28. ЦГИА СПб. Ф. 67. Благородный пансион при Императорском Петербургском университете (1817-1830). Оп. 1. Д. 90. Об отсылке кратного финансового отчета.
29. ЦГИА СПб. Ф. 67. Благородный пансион при Императорском Петербургском университете (1817-1830). Оп. 1. Д. 92. Исходящий журнал хозяйственного комитета.
30. ЦГИА СПб. Ф. 114. Первая Петроградская мужская гимназия. Оп. 1. Д. 263. О постройке деревянного флигеля в доме пансиона для пансионерских дядек.
31. ЦГИА СПб. Ф. 139. Канцелярия попечителя Петроградского учебного округа. Оп. 1. Канцелярия попечителя Петербургского учебного округа 1803-1821 гг. Д. 2984. О доме надворного советника Отто, в котором помещался временно Благородный дворянский пансион.
32. ЦГИА СПб. Ф. 139. Канцелярия попечителя Петроградского учебного округа. Оп. 1. Канцелярия попечителя Петербургского учебного округа 1803-1821 гг. Д. 3145. Об определении в Благородный пансион помощником эконома Буторина.
33. ЦГИА СПб. Ф. 139. Канцелярия попечителя Петроградского учебного округа. Оп. 1. Канцелярия попечителя Петербургского учебного округа 1803-1821 гг. Д. 3152. Об определении помощником инспектором в

Благородный пансион Башинского и комнатным надзирателем в гимназию и увольнении его от сей должности.

Список литературы:

1. Азизова Е.Н. Общественно-политическая деятельность Д.П. Рунича. Воронеж., 2014. 213 с.
2. Андреев А.Ю. Московский университет в общественной и культурной жизни России начала XIX века. М.: Языки русской культуры, 2000. 312 с.
3. Аурова Н.Н. От кадета до генерала. Повседневная жизнь русского офицера во второй половине XVIII-начале XIX века., М., 2010. 463 с.
4. Бокова В.М. Эпоха тайных обществ. Литературные и общественные объединения первой трети XIX в. М.: Реалии пресс, 2003. 655 с.
5. Вишленкова Е.А. Малышева С.Ю., Сальникова А.А. Terra universitatis. Два века университетской культуры в Казани. Казань., Каз.гос.ун-т, 2005. 498 с.
6. Голицын Н.С. Благородный пансион Императорского Царскосельского лицея 1814-1829 гг. СПб.: Типография О.В. Ландсберг (Бакста), 1869. 403 с.
7. Григорьев В. В. Императорский Санкт-Петербургский университет в течение первых 50 лет его существования. СПб., 1870.
8. Егоров А. Д. Лицеи России. Опыт исторической хронологии. В пяти кнгах. Кн. 1. Ришельевский лицей. Иваново.: Иванов. инж.-строит. ин-т, 1995. 210 с.
9. Егоров А.Д. Лицеи России. Опыт исторической хронологии. В пяти книгах. Кн. 2. Лицей князя Безбородко. Иваново: Иванов. инж.-строит. ин-т., 1994. 220 с.

10. Егоров А. Д. Лицеи России. Опыт исторической хронологии. В пяти книгах. Кн. 3. Демидовский юридический лицей: в 2 ч., Иваново: Иванов. инж.-строит. ин-т, 1994. 215 с.
11. Егоров А. Д. Лицеи России. Опыт исторической хронологии. В пяти книгах. Кн.4 Императорский Александровский (бывший Царскосельский) лицей: В 3 ч. Часть 1 - 3. – Иваново: Иванов. инж.-строит. ин-т. 1995. 220 с.
12. Зипунникова Н. Н. Университеты учреждаются для преподавания наук в высшей степени. Российское законодательство об университетах XVIII - начала XX века. Екатеринбург, 2009. 436 с.
13. Кобеко Д. Ф. Императорский Царскосельский лицей. Наставники и питомцы 1811-1843 г.г. СПб., 1911. 553 с.
14. Косаческая Е.М. Николай Андреевич Маркевич. 1804-1860. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1987. 284 с.
15. Кулакова И. П. Университетское пространство и его обитатели. Московский университет в историко-культурной среде XVIII века. М.: Новый хронограф, 2006. 336 с.
16. Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. Т.2., СПб., 1897. 436 с.
17. Петров Ф. А. Формирование системы университетского образования в России. Т.2-3. М.: Издательство Московского ун-та, 2003 - (ОАО Можайский полигр. комб.), 2003. 583 с.
18. Плетнёв П. А. Первое двадцатипятилетие Императорского университета. СПб.: Типография военно-учебных заведений, 1844. 127 с.
19. Полиевктов М. А. Николай I: биография и обзор царствования. М., 1918.
20. Пономарева В. В., Хорошилова Л.Б. Университетский благородный пансион. М.: Новый хронограф, 2006. 466 с.

21. Соловьев Д. Н. Первое пятидесятилетие петербургской гимназии. СПб.: Типография 2-ого отделения Е.И.В., 1880. 424 с.
22. Цинтия Х. Виттекер. Граф Сергей Семенович Уваров и его время. СПб.: Академический проект, 1999. 350 с.

Статьи:

1. Бориева Л. Х. Учеба М.Ю. Лермонтова в Благородном пансионе при Московском университете // Бюллетень медицинских интернет-конференций. 2015. №1. С.4.
2. Диссон Ю. А. "Благородная альтернатива" российским университетам: лицеи и университетские пансионы в России (конец XVIII - первая треть XIX вв.) // Вопросы истории естествознания и техники. 2007. № 4. С. 125-142.
3. Диссон Ю. А. Московский университетский благородный пансион в системе народного просвещения России конца XVIII – первой трети XIX века // XV Ежегодная богословская конференция. М., 2005. С. 195-208.
4. Диссон Ю.А. Лицеи и благородные пансионы в системе народного просвещения в первой трети XIX века.: Автореф.дис. ... канд.истр.наук. М., 2008.
5. Ендольцев Ю.А. Благородный пансион при Санкт-Петербургском университете// Санкт-Петербургский университет. 2007. №2. С. 30-31.
6. Жуковская Т.Н. Архив Педагогического института в Санкт-Петербурге (1804-1819): специфика отражения университетской повседневности // Университетский архив как явление культуры. Сб. ст. М.: НЛЮ, 2017. С. 123-159.
7. Жуковская Т.Н. Между Марсом и Минервой: Война, военная служба и универсанты в первой половине XIX века // Диалог со временем. 2009. № 29. С. 285-308.

8. Колышницына Н.В «Благородный пансион при Санкт-Петербургском университете: воспитатели и воспитанники» (электронный ресурс).
9. Костина Т.В. Пространство Академических гимназии и университета: материалы к истории. 1724-1804 гг. // Клио. 2013. № 10 (82). С. 6-15.
10. Островский О.Б. Судьба народного образования в России 1815-1825 гг// Вестник Ленинградского университета им. А.С. Пушкина. 2013. Т. 4. №2. С. 7-20.
11. Фролов С.В. М. И. Глинка в Благородном пансионе при Главном Педагогическом институте (Санкт-Петербург): некоторые общие условия жизни и обучения // История и культура. 2015. № 13.

Список сокращений

БП – Благородный пансион;

БП СПУ – Благородный пансион при Санкт-Петербургском университете;

БП МУ - Благородный пансион при Московском университете;

БП ЦС- Благородный пансион при Царскосельском лицее;

ГПИ – Главный педагогический институт;

РО ИРЛИ РАН – Рукописный отдел Института Русской литературы Российской Академии наук;

СПУ- Санкт-Петербургский университет;

ЦГИА СПб – Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга;

ЦС – Царскосельский лицей.

Приложение 1²³¹

Список воспитанников Благородного пансиона, остававшихся в Пансионе на 1.01.1820.

ФИО	Происхождение	Поступил	Выбыл	Примечания
Астафьев Алексей	Дети статского советника Астафьева	1817	1821	По воле родителей
Астафьев Евграф		Февраля 25	Февраля 26	
Апрелев Василий	Сын генерал-майора Апрелева	1817 Декабря 22	1824 В июле	С правом на чин XII класса
Бижеичь Илья	Дети статского советника Бижеича	1818 Февраля 9	1821 В июле	С правом на чин XII класса
Бижеичь Михаил				С правом на чин XIV класса
Бибиков Валериан	Сын штабс-капитана Бибикова	1819 Августа 9	1821 Июля 9	По воле родителей
Болкашев Аполлон	Дети штабс-капитана Болкашева	1819 Августа 9	1821 Февраля 8	По воле родителей
Болкашев Николай				
Барон Вревский Борис	Воспитанники действительного тайного советника I класса князя Александра Борисовича Куракина	1817 Августа 25	1822 июль	С правом на чин XII класса
Барон Вревский Степан			1823 июль	С правом на чин X класса
Боташев Абрам	Сын поручика Боташева	1818 Июня 28	1823 июль	С правом на чин X класса
Вульф Гавриил	Сын коллежского советника Вульфа	1817 Сентября 18	1822 июль	С правом на чин XII класса
Верховский Павел	Сын надворного советника Верховского	1818 Февраля 19	1821 Февраля 19	Выслан из пансиона

²³¹ См.: *Воронов А.С.* Историко-статистическое обозрение учебных заведений С.-Петербургского учебного округа с 1715 по 1828 год включительно. СПб.: Типография Якова Трея, 1849; *Соловьев Д. Н.* Первое пятидесятилетие петербургской гимназии. СПб.: Типография 2-ого отделения Е.И.В., 1880.

Виндич Виктор	Сын надворного советника Виндича	1818 Сентября 7	1821 Июня 18	По воле родителей
Князь Голицын Григорий	Сын генерал-майора Петра Александровича Голицына	1818 Апреля 23	1824 В июле	С правом на чин XII класса
Глинка Михаил	Сын капитана Глинки	1818 Февраля 2	1822 В июле	С правом на чин X класса
Ганненфельд Павел	Дети надворного советника Ганненфельда	1819 Декабря 19	1825 июль	С правом на чин XII класса
Ганненфельд Владимир			-	-
Глинка Дмитрий	Дети статского советника Глинки	1819 Октября 22	1824 июль	С правом на чин X класса
Глинка Борис			-	-
Гразавич Лев	Сын коллежского советника Гразавича	1819 Декабря 13	1821 Июня 18	По воле родителей
Глебов Михаил	Сын коллежского советника Глебова	1818 Июня 13	1821 в июле	С правом на чин XII класса
Гудин Иван	Сын чиновника V класса Гудина	1817 сентября 24	1820 Марта 26	По воле родителей
Гордеев Дмитрий	Сын генерал-майора Гордеева	1817 Сентября 24	1821 марта 21	По воле родителей
Дитерисх Карл	Сын подполковника Дитерикса	1817 Ноября 26	1822 В июле	С правом на чин XII класса
Деменков Михаил Деменков Платон	Дети гвардии капитана Деменкова	1818 Март 16	1820 Март 16	По воле родителей
Данзас Андрей	Сын генерал-майора Данзаса	1819 сентября 13	-	-
Энгельгард Николай	Дети генерал-лейтенанта Беренса	1818	1824 В июле	С правом на чин XII класса

Энгельгард Григорий	лейтенанта оарона Энгельгардта	Апреля 27	1824 В июле	С правом на чин XII класса
Эллинский Федор	Сын статского советника Эллинского	1818 Августа 17	-	-
Ендагуров Петр	Сын порутчика Егдагурова	1819 Января 11	1820 Января 31	По воле родителей
Илличевский Платон	Сын действительного статского советника Илличевского	1817 Октября 11	1824 В июле	С правом на чин X класса
Иванов Петр	Дети надворного советника Иванова	1818	-	-
Иванов Николай		Октября 19	-	-
Красно-Милошевич Николай	Сын капитана Красно- Милошевича	1819 Января 11	1822 Июль	С правом на чин XII класса
Краевский Александр	Сын коллежского советника Краевского	1817 Сентября 4	1822 Июль	С правом на чин X класса
Квашин-Самарин Петр	Сын генерал- лейтенанта Квашина- Самарина	1817 Октября 4	1821 Сентября 17	По воле родителей
Качалов Василий	Сын надворного советника Качалова	1818 Января 22	1820 Июня 5	По воле родителей
Левашов Василий	Сын гвардии поручика	1818 Сентября 24	1821 Февраля 20	По воле родителей
Лавров Сергей	Сын генерал- провиант- лейтенанта Лаврова	1818 Января 28	1825 Января 17	По воле родителей
Литвинов Василий	Сын коллежского ассессора Литвинова	1819 Августа 9	1821 февраля 10	Выслан из пансиона

Лукьянович Николай	Сын действительного тайного советника Лукьянова	1818 Августа 10	1823 июль	С правом на чин XII класса
Мольнер Павел	Сын камергера Ея Императорского Величества императрицы Елизаветы Алексеевны	1819 Мая 1	-	-
Мелин Платон	Сын коллежского советника	1817 Августа 25	1821 в июле	По воле родителей
Маркевич Николай	Сын надворного советника Маркевича	1817 Сентября 1	1820 Февраля 14	По воле родителей
Масальский Константин	сын статского советника Масальского	1818 Января 17	1821 июня 18	По воле родителей
Молчанов Григорий	Сын прапорщика гвардии	1818 Января 17	1821 Июня 18	По воле родителей
Миклашевский Петр	Дети подполковника Миклашевского	1818 Августа 7	1820 Января 24	По воле родителей
Миклашевский Иван				
Нефедьев Николай	Сын капитан-лейтенанта Нефедьева	1819 Мая 24	1821 Мая 21	По воле родителей
Пушкин Лев	Сын чиновника V класса	1817 Сентября 29	1821 февраля 26	Выслан из пансиона
Плещеев Александр	Дети коллежского асессора Плещеева	1817 Сентября 28	1820 Ноября 21	По воле родителей
Плещеев Григорий			1821 Марта 28	По воле родителей
Плещеев Петр				
Петровский Станислав	Сын майора Петровского	1818 Августа 10	1822 В июле	С правом на чин X класса

Пашенко Егор	Сын артиллерии штабс-капитана Пашенко	1818 Сентября 26	1824 В июле	С правом на чин X класса
Палицын Степен	Сын поручика Палицына	1818 Октября 26	1822 В июле	С правом на чин X класса
Постников Сергей	Дети действительного статского советника Постникова	1819 Июня 7	1824 июля	С правом на чин XII класса
Постников Владимир				
Постников Петр				
Поталов Андрей	Сын майора Поталова	1819 Ноября 1	1821 Апреля 23	По воле родителей
Ранышалов Павел	Сын коллежского советника	1817 декабря 1	-	-
Римский- Корсаков Александр	Сын прапорщика гвардии Корсакова	1818 Сентября 20	1823 В июле	С правом на чин X класса
Ракович Лаврентий	Сын ротмистра Раковича	1818 Сентября 24	1820 В июле	По воле родителей
Рубец Алексей	Сын коллежского советника Рубца	1819 Июля 31	-	-
Барон Сердобин Михаил	Воспитанник действительного статского советника I класса князя Александра Борисовича Куракина	1817 Августа 25	1821 В июле	С правом на чин X класса
Стаханович Вениамин	Сын генерал- лейтенанта Стахановича	1817 Августа 25	1820 Апреля 24	По воле родителей
Струков Петр	Сын статского советника	1817 Сентября 1	1821 В июле	С правом на чин XII класса
Сердюков Александр	Сын подполковника Сердюкова	1817 Сентября 18	1821 В июле	С правом на чин XII класса
Семенов Николай	Дети коллежского	1818	1821	По воле

Семенов Алексей	ассессора	Февраля 16	Февраля 16	родителей
Соболевский Сергей	Сын дворянина Соболевского	1818 Марта 9	1821 В июле	С правом на чин XII класса
Сырлев Алексей	Сын коллежского ассессора Сырлева	1818 Июня 8	1824 в июле	С правом на чин XII класса
Статтер Василий	Сын штаб-ротмистра Статтера	1819 Июля 19	-	-
Танк Александр	Сын коллежского советника Танка	1818 Февраля 2	1823 В июле	С правом на чин XII класса
Ушаков Александр	Сын майора Ушакова	1819 марта 8	1820 Февраля 21	По воле родителей
Харламов Петр	Сын статского советника Харламова	1819 Сентября 6	1823 В июле	С правом на чин X класса
Чепчугов Николай	Сын коллежского советника	1819 Февраля 1	1825 Июля 17	С правом на чин X класса с золотой медалью
Чихачев Николай	Сын титулярного советника Чихачева	1818 Февраля 2	1825 Июля 17	С правом на чин XII класса
Чирков Николай	Дети генерала от инфантерии Чиркова	1818	1823	С правом на чин X класса
Чирков Никандр		Марта 23	В июле	С правом на чин XII класса
Шилдкнехт Николай	Сын коллежского советника	1818 Сентября 24	1820 Мая 22	По воле родителей
Шипилов Алексей	Сын надворного советника	1818 октября 19	1821 февраль	Выслан из пансиона
Яковлев Андрей	Дети надворного советника Саввы Михайловича Яковлева	1818	1824	С правом на чин XII класса
Яковлев Алексей		Октября 12	В июле	

Яковлев Иван	Дети надворного советника Павла Леонтьевича Яковлева	1819 Августа 9	1822 мая	С правом на чин X класса
Яковлев Павел			-	По воле родителей
Яковлев Александр			-	По воле родителей

Приложение 2

РО ИРЛИ РАН. Ф. 488. Оп.1. Д. 40. Л. 26.

Ведомость об успехах и поведении пансионера 3 класса Николая
Маркевича за август и сентябрь 1819 год.

перевозки из Архангельска, Фурман и
двух поручиков, из архангельских
профессоров, чины и восточных наук.
декан Сибирского университета, утвержден
исходящим номером 368 от 1897 года
восточных наук (по приказу)

Благородный Пансион Санктпетербургского Университета.

Водомость об успехе и поведении Пансионера 3^{ей} класса *Николаевича Карповича* из *Архангельска* *Семёра* мѣсяцъ 1897 года.

Халки.	Восточн. языки.	Греч.	Франко.	Немецк. язык.	Славянск. язык.	Логика и философия.	Естественная история.	Греческая литература.	Поведение.
Яковъ Вожикъ.	Мамаева.	Волынецъ.	Губинъ.	Я з а к л.					
				Латинскій.	Русскій.	Французскій.	Немецкій.	Англійскій.	
4	1	2	2	3	4	1	2	3	2

Значение цифръ: 4—очень хорошо, 3—хорошо, 2—нредно, 1—худо.

Гамбчанія. Науки не означены цифрами не преподаются въ выше означеномъ классѣ.

Инспектор
Андрей Андреевич

№ 56.

Приложение 3

РО ИРЛИ РАН. Ф. 488. Оп.1. Д. 40. Л. 24.

План дома Благородного пансиона 1820 года.